

Вера
КРЫЖАНОВСКАЯ

Сочинения



Маги

Вера Крыжановская-Рочестер

Эликсир жизни

«Public Domain»

1901

Крыжановская-Рочестер В. И.

Эликсир жизни / В. И. Крыжановская-Рочестер — «Public Domain», 1901 — (Маги)

Что представляет собой мир, в котором мы живем? Кто есть мы и каков смысл бытия? Эти вопросы всегда волновали и будут волновать людей, потому что наши знания об окружающем нас мире и о нас самих ограничены. Это Тайна, которую мы, люди, пытаемся разгадать. Книги Веры Крыжановской являются тем волшебным зеркалом, через которое мы можем заглянуть в невидимый для нас мир Тайны, существующий рядом с нами, узнать некоторые фундаментальные законы бытия и ответить на многие вопросы. В первой книге «Эликсир жизни» мы знакомимся с молодым доктором Ральфом Морганом, который в силу определенных обстоятельств становится принцем Супрамати и членом братства Круглого стола вечности, то есть бессмертным. Новые друзья Супрамати – Нара и Дахир, Эбрамар и Нарайяна – вводят молодого врача в новый, неизвестный ему доселе, мир.

© Крыжановская-Рочестер В. И., 1901

© Public Domain, 1901

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава первая | 5 |
| Глава вторая | 18 |
| Глава третья | 30 |
| Глава четвертая | 42 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 45 |

Вера Ивановна Крыжановская

Эликсир жизни

Глава первая

В одном из удаленных от центра кварталов Лондона стоял старый, но прочный еще дом, к которому прилегал обширный сад. В третьем этаже дома, относившегося ко временам Кромвеля и сохранившего суровый и пуританский вид той эпохи, квартиру занимал доктор Ральф Морган, как гласила медная дощечка, прибитая к почерневшей дубовой двери.

Эта квартира состояла из передней, столовой, кабинета и спальни. Все комнаты были очень просто, но уютно обставлены и имели то неоценимое для жильца преимущество, что окна их выходили в сад. Доктор любил тишину и зелень, предпочитая дальнюю ходьбу, хотя бы даже в дурную погоду, жизни в шумном центре, с его треском, суетней и тоскливым видом на крыши и на сотни труб.

Была чудная августовская ночь, такая тихая и теплая, что в рабочем кабинете доктора было открыто окно. За большим письменным столом сидел сам хозяин квартиры и читал у лампы с зеленым абажуром большую книгу в изношенном переплете.

Доктор Морган был молодой человек лет тридцати. Он мог бы считаться даже красавцем, если бы страшная худоба и болезненная бледность не обезобразили его. Он был высок и хорошо сложен; густые, золотисто-каштановые волосы и коротенькая борода, чуть темнее, обрамляли его тонкое с классически правильными чертами лицо; большие глаза, строгие и задумчивые, были неопределенного цвета: в минуты покоя серовато-голубые и темные при малейшем волнении. Вообще взгляд его отличался необыкновенною подвижностью и отражал всякое душевное движение.

Обстановка кабинета указывала, что Ральф был человек ученый и работающий. Обширная библиотека и множество полок были завалены книгами, журналами и связками брошюр не только по медицине, но и по всем остальным отраслям человеческого знания.

Доктор мог свободно зарываться в книги и предаваться своим занятиям, так как пациентов у него почти не было, средства же к жизни давало ему хорошо оплачиваемое место, которое он занимал при большой психиатрической больнице.

Ральф довольствовался своим положением, тем более, что его слабое здоровье побуждало его вести тихий и правильный образ жизни. Но если он имел мало занятий как доктор, то тем больше работал его пылливый ум: недаром же он ежедневно сталкивался с необъяснимой проблемой – безумием. Постоянное соприкосновение с этим неуловимым злом, которое не поддается до сих пор научному исследованию, но подтачивает здоровье человека, и побудило доктора искать разрешения этой тайны.

Но тщетно он перелистывал сочинения практической науки и перерывал труды мистиков и алхимиков. Ни работы учнейших психиатров, ни темные формулы Парацельса не дали ему ключа от тайны. Всюду, точно сквозь туман, он видел что-то неопределенное и чувствовал законы, которые должны были быть, но механизм которых тонул во тьме, и рассеять ее он был не в силах. Одно он считал доказанным, а именно, что существуют невидимый ток, астральное излучение, поддерживающие обмен веществ между всеми живыми существами, имеющие решительное и могущественное влияние на организмы. Но как действовали эти невидимые силы и какие законы управляли ими – оставалось тайной, и доктор с горечью убеждался, что даже считающие себя учеными специалистами по этим вопросам, и те, как слепые, беспомощно пока стоят перед этим самым тяжким недугом человечества – помрачением рассудка.

Безумие оставалось той неизвестной и неисследованной областью, которая неудержимо влекла к себе молодого врача, всею душою жаждавшего облегчить участь человечества.

Иногда, после бесплодных усилий над разрешением загадки, вечно ускользавшей у него из рук, им овладевал гнев против этих жестоких законов, окутанных тайной и скрывающих средства, которые несомненно должны существовать для облегчения болезней души.

Сколько уже людей науки посвятили всю свою жизнь изучению этих вопросов, а между тем в области душевных болезней сделано очень мало. Магнетизм и гипнотизм, конечно, помогали иногда, но, по-видимому, случайно.

И не раз Ральф спрашивал себя, почему жизнь человеческая является зачастую сплошной тяжелой агонией? Драгоценное, оживляющее человека дуновение исчезает как будто бесследно, остальное же гнивает в земле. Темна цель, для которой рождаются и умирают миллионы существ, которые борются, страдают, стремятся к неведомой цели и которых смерть, подобно урагану, сметает с лица земли как ненужную пыль.

Оттолкнув книгу о гипнотизме, которую читал, доктор встал, подошел к окну и в раздумье залюбовался усеянным звездами небом.

Как бриллиантовая ткань, расстилалось небо с его Млечным Путем, переходившим в сверкающий туман. Мир за миром, система за системой... Бесконечность полна мириадами гигантских миров, а между тем, по-видимому, не хватает места. Без сомнения, и там, как на земле, смерть косит человечество, которое, подобно полевой траве, зеленеет весной, а осенью увядает и превращается в прах после того, как выполнит свое назначение. Возможно ли, чтобы то же было и с человеческой душой – сознательной и могучей психической искрой? Неужели она так ничтожна, что, блеснув, как блуждающий огонек над зеленым болотом, тухнет навеки, без прошлого и будущего?

Случайно взглянул он на свою руку, державшую еще разрезной ножик слоновой кости, и вздрогнул. Скоро, может быть, эта самая рука будет покоиться, окоченевшая, на его уже бездыханной груди...

– Берегите себя, мой юный друг, – сказал ему старый профессор, его бывший учитель, когда выслушал его несколько недель тому назад. – Ваше сердце нездорово, а легкие повреждены. Вам необходим полный физический и умственный отдых, иначе...

Ральф тяжело вздохнул, отлично понимая, что значило это «иначе». В качестве доктора он сознавал, что сулят острые боли в груди, беспорядочное сердцебиение, захватывавшее дыхание, слабость и сухой кашель, вызывавший на губах капельки крови.

Он захлопнул окно, сел снова в кресло и закрыл глаза. Им овладел внезапный страх смерти.

Профессору легко было сказать: «Берегите себя! Отдыхайте умственно!» Подобный отдых можно было предписывать только тем, кто не думает и поглощен житейской суетой; но для того, чья мысль работает, чей ум ищет истину, беспрестанно наталкиваясь на сомнение и предположения, подобный отдых невозможен.

И что такое эта смерть, ледяное и уничтожающее дыхание которой стережет человека на каждом шагу, которая отнимает у него любимых существ, привычную обстановку приобретенные знания и ввергает его в неведомое небытие? Живые почитают память покойного статуей или молитвами, а он-то сам, знает ли об этом? Чувствует ли он, страдает ли и продолжает ли любить остающихся в живых? Много странных фактов говорят о «потустороннем» существовании, но ничто не доказывает его научным путем. Явления не вызываются произвольно неизвестными законами, такими же темными, как и мир, которым они управляют.

Ральф вытер влажный лоб, а затем прижал руку к болезненно бьющемуся сердцу. Сколько раз он мучительно боролся с ужасным сомнением: «*быть или не быть?*»

Не раз он спрашивал себя: почему те, кто раньше ушел из мира, не являются просвещать тех, кого любят, если это возможно?

Несколько лет тому назад он потерял свою мать, которую боготворил. Она тоже жила и дышала только им; а между тем она осталась глуха к его отчаянному призыву и ничем не доказала, пережила ли она смерть и любит ли его по-прежнему.

Острая боль в груди и приступ удушливого кашля дали ему болезненно почувствовать, насколько он и сам близок к страшной тайне, именуемой *смертью*.

Тоска и страх перед приближающимся небытием еще сильнее сдавили его сердце. Неужели же нет никакого средства продолжить жизнь и остановить разрушение тела? Вдруг вспомнилось ему, что он читал в одной книге об оккультизме, что существует жизненный эликсир, тайна которого утеряна, но алхимики тщетно искали ее во внутренностях или крови девушек, детей и животных, в растениях и в атмосфере. А между тем магические книги говорят об этом эликсире как о несомненном факте...

О! Если бы можно было найти его; а он несомненно существует, такой жизненный флюид, такая могучая сила, которая работает в органических телах и во всяком живом существе. Это неуловимое дыхание жизни должно быть всюду, как в первичных, так и в самых сложных организмах.

Сильный и резкий звонок оборвал бурные думы доктора. Он выпрямился и стал прислушиваться. Но, должно быть, старый Патрик, его единственный слуга, спал как убитый, так как в прихожей все было тихо.

Минуту спустя звонок повторился. И Ральф встал. Вероятно, кто-нибудь заболел по соседству и за ним прислали; такое хотя и редко, но все-таки бывало. Так как Патрик не подавал признаков жизни, то молодой человек сам открыл дверь.

На лестнице стоял высокий мужчина, закутанный в темный плащ, с широкополой фетровой шляпой на голове. В руках он держал отделанную серебром шкатулку.

– Я имею честь говорить с доктором Морганом? – спросил незнакомец глубоким и звучным голосом.

– Да, это я, к вашим услугам.

– В таком случае, позвольте мне войти. Мне нужно поговорить с вами об очень важном деле, которое глубоко вас интересует.

Незнакомец сложил на стул плащ и шляпу и прошел за Ральфом в его кабинет. Оба сели, и настало довольно продолжительное молчание. Ральф с любопытством осматривал своего гостя.

Это был человек лет тридцати пяти или сорока; хотя он казался сильным и здоровым, но в эту минуту был очень бледен и, видимо, утомлен. Несмотря на это, ни одной морщины не было на его широком лбу, ни одного седого волоска не светилось в его густых и черных как вороново крыло волосах. Лицо его отличалось чистейшим греческим типом и могло бы служить моделью для статуи Фидия.

Незнакомец задумчивым взглядом смотрел на книги, загромождавшие рабочий стол, и затем поднял на Ральфа свои большие, черные и бархатистые глаза.

– Вы ищете эликсир жизни и хотели бы обладать им?

– Кто вы такой, что знаете мои мысли? – пробормотал тот, вскакивая с кресла.

Таинственный посетитель улыбнулся.

– Садитесь и не бойтесь ничего, – сказал он. – Я вовсе не дьявол, как вы, без сомнения, предполагаете, я такой же человек, как и вы. Между нами только та разница, что вы хотите жить, а я – умереть. Вы жили слишком мало, я – слишком много, и хочу вернуться в пространство. Я явился сюда предложить вам обмен.

Вы располагаете смертью, я – жизнью. Итак, дайте мне немного вашей крови, а я вам дам капли эликсира. Согласны ли вы?

Доктор уже с тревогой смотрел на незнакомца. Очевидно, перед ним находился больной по его специальности, но он не успел еще сообразить, что ему делать в данном случае, как

вдруг его странный посетитель рассмеялся таким громким и открытым смехом, что доктор почувствовал себя сбитым с толку.

– Вы считаете меня сумасшедшим и обдумываете, как со мной поступить, чтобы избавиться от моего неудобного визита, – добродушно сказал незнакомец. – Успокойтесь, мой молодой друг. Я – в полном рассудке. Как вам ни кажется невероятным то, что я сказал, это непреложная истина. Я действительно обладаю эликсиром жизни. А теперь поговорим серьезно.

Уже давно ищу я человека, которому мог бы передать мое знание и тайну моей жизни, но все мои поиски были напрасны. Случай обратил мое внимание на вас. Я исследовал и изучил вашу жизнь, ваш характер, ваши стремления; я знаю ваши сомнения и ту жажду знаний, которая мучает вас. Из всего этого я заключил, что вы способнее всякого другого принять мое наследство. Отвечайте же откровенно: хотите вы вечно жить?

Молодой доктор вспыхнул и выпрямился.

– Конечно хочу! Только я сомневаюсь, чтобы вы могли дать мне то, что обещаете. Какую бы славу приобрели вы, если бы действительно обладали средством удерживать человечество на земле.

– Почему вы думаете, что, владея тайной долгой жизни, я пожелал бы воспользоваться ею для приостановки действия мудрого, полезного закона и обременил бы планету миллионами ненужных людей? Ведь благодетели человечества очень редки, и весьма сомнительно, чтобы они пожелали воспользоваться моим средством.

А теперь вот мои условия: я хочу, чтобы вы дали мне немного вашей крови, уже пропитанной флюидом разложения. Так как вы сами доктор, то знаете, что осуждены на смерть: состояние вашего сердца и ваших легких не допускает никакого исцеления обыкновенными средствами. В обмен на эту кровь, которая поможет мне умереть, я дам вам эликсир жизни. Одной капли на довольно большой пузырек будет вполне достаточно, чтобы вылечить вас и дать вам quasi – вечную жизнь. До остального же эликсира никогда не дотрагивайтесь. Берегитесь и никому не открывайте вашу тайну, а также не увлекайтесь желанием населить землю бессмертными людьми. Искушение будет велико, но ваш долг противиться ему. Еще одно слово: если я вам дам эликсир жизни, я завещаю вам также мое знание, состояние и мое имя. Теперь решайте: хотите вы быть моим наследником? Даю вам десять минут на размышления.

Ральф был подавлен.

Мысли, вихрем крутившиеся в его мозгу, причиняли ему острую боль, а сильное волнение отнимало дыхание. Вдруг он встретил умный и энергичный взгляд незнакомца, и к нему сразу вернулось его спокойствие и решимость.

– Я согласен: располагайте мной, – сказал он, вставая и протягивая руку своему странному посетителю. Тот пожал ее и встал.

– В таком случае, вам нужно сейчас же ехать со мной.

– Надолго?

– Это будет зависеть от обстоятельств. По всей вероятности, на несколько недель.

– В таком случае, я попрошу вас дать мне четверть часа времени, чтобы подготовиться и сообщить слуге, что я уезжаю по делам наследства.

– Извольте! Я буду ждать вас на лестнице.

Ральф в одну минуту уложил в ручной чемодан немного белья и пару платья. Затем он разбудил Патрика, сделал необходимые распоряжения и дал ему денег на расходы. Спрятав еще в карман миниатюру своей покойной матери, он вышел к незнакомцу.

Они молча спустились с лестницы, сели в ожидавшую их коляску и отправились прямо на вокзал, где и поместились в поезд, отходивший в Дувр.

Незнакомец занимал отдельное купе, и когда поезд тронулся, он предложил Ральфу поужинать, но взволнованный молодой человек не чувствовал никакого аппетита. Однако его

спутник так весело шутил, развязывая корзину с самыми изысканными деликатесами, принесенную его маленьким, коренастым слугой, что доктор успокоился, поел, выпил чудного вина и даже решился наконец спросить, куда они едут.

– На континент, а дальше вы сами увидите, – с тонкой усмешкой ответил незнакомец.

Поездка длилась несколько дней. Они нигде не останавливались дольше того, что было необходимо в ожидании парохода или поезда. Но путешествие было обставлено такими удобствами, что несмотря на свое болезненное состояние, Ральф не чувствовал ни малейшего утомления.

Теперь он знал, что они ехали в Швейцарию, в кантон Валлис. Прибыв туда, они остановились в уединенной деревне у подножия Монте-Роза, и таинственный спутник заявил ему, что они завтра же предпримут восхождение на гору.

Ральф был очень удивлен, но не сделал никакого замечания. Раз уже он отважился пуститься в это приключение, надо было довести его до конца.

На следующий день, одев подходящее к обстоятельствам платье и вооружившись альпийскими палками, оба путешественника двинулись в путь.

Когда они взобрались на первые высоты и воздух заглодел, незнакомец заметил с улыбкой:

– Нам придется провести ночь в ледниках; вы не боитесь замерзнуть, мой юный друг?

Ральф повел плечами.

– Я надеюсь, что перенесу холод, как и всякий другой. Наконец, раз разложение моего тела началось, то не все ли равно, кончится ли оно немного раньше или немного позже? Кроме того, если вы не пациент моей специальности и вам действительно нужна моя жизнь, то вы не дадите мне умереть.

– Ваше мужество и стоицизм мне нравятся. Вы правы: я дорожу вашей жизнью и чтобы избавить вас от излишнего утомления, предлагаю вам эту коробочку с пастилками. Сосите конфеты во время пути – и вы не будете чувствовать ни холода, ни утомления.

Видя, что молодой человек колеблется, он прибавил с легкой иронией:

– Берите смело: в этих конфетах еще нет жизненного эликсира; это просто наркотическое средство, которое даст вам силы.

Они двинулись в путь.

Несмотря на то, что дорога становилась все трудней и трудней, и что они уже достигли линии снегов, незнакомец, по-видимому, не чувствовал ни малейшего утомления; даже Ральф удивлялся своим силам и тому укрепляющему теплу, которое пробегало по его жилам.

Ночь они провели в пустой хижине, но едва только забрезжил рассвет, как они снова пустились в путь.

Сколько времени они шли, Ральф не мог отдать себе отчета. Они пробирались через ледники, проходили мимо пропастей и карабкались на почти отвесные высоты. Ясно было, что они уклонились от обычного пути туристов и углубились в неисследованную еще часть снежной пустыни.

Незнакомец шел с уверенностью, доказывавшей полное знание им дороги. Обогнув одну из остроконечных вершин, они вышли на небольшую обнаженную каменистую площадку, с одной стороны которой спускались в глубокое ущелье правильные уступы, точно нарочно высеченные человеческой рукой.

В конце этого опасного спуска они очутились в леднике и далее, после четырехчасовой ходьбы, подошли ко входу в большой грот, освещенный голубоватым светом.

Со смешанным чувством любопытства и тревоги вошел Ральф за своим проводником в грот и крайне изумился, когда за громадной глыбой льда оказалась дверь или, верней, каменная плита. Плита эта бесшумно повернулась на скрытых шарнирах, когда незнакомец нажал едва заметную светящуюся точку, скрытую в одной из расщелин.

Теперь они очутились в узком, высеченном в скале коридоре. Едва незнакомец повернул кнопку, вделанную в стене, как коридор ярко осветился электрическим светом.

– У вас здесь электричество? – пробормотал Ральф, не веря собственным глазам.

– Боже мой! Отчего же нам и не пользоваться изобретениями современной промышленности, чтобы комфортабельно обставить эту главную квартиру «Эликсира Жизни», так как мы находимся в местонахождении этого драгоценного вещества и его адептов, – с веселой улыбкой ответил таинственный проводник Ральфа.

В конце коридора оказалась спиральная лестница, которая оканчивалась наверху площадкой, куда выходило несколько дверей.

Незнакомец отворил одну из них, и они очутились на выступе широкой скалы в форме террасы. Отсюда открывался чудный вид, и у Ральфа вырвался невольный крик восторга.

С этой страшной высоты, точно на гигантской картине, развернулся волшебный пейзаж. Скалы, снежные равнины и глубокие ущелья, казалось, тонули в пурпурном тумане заходящих лучей солнца; глубоко внизу, в долинах, подобно гигантским изумрудам, зеленели поля и луга. Воздух, хотя и холодный, был чист к живителен. Ральфу показалось, что никогда еще он не чувствовал себя так хорошо, как здесь, что никогда еще земля не представлялась ему такой прекрасной, а жизнь такой желанной, как в эту минуту.

Незнакомец скрестил на груди руки и грустно-задумчивым взглядом любовался этой чудной картиной. Через минуту он провел рукой по лбу, точно хотел смахнуть докучные мысли, и сказал, повернувшись к Ральфу:

– Пойдемте! Пора нам подкрепиться, а потом поговорить о деле.

Они вернулись назад. Показав доктору устройство выхода, незнакомец открыл противоположную дверь и ввел своего спутника в круглую средней величины залу. Здесь в камине пылал яркий огонь и царила приятная теплота.

Ральф с любопытством осмотрелся. Стены сплошь были обтянуты плотной восточной материей темного цвета; толстый ковер закрывал весь пол.

У одной стены стоял не то буфет, не то шкаф с резными дверцами. Против него, у другой стены, стоял большой рабочий стол, заваленный книгами и свитками. В комнате еще находилось несколько стульев древней формы, инкрустированных золотом и слоновой костью. Посреди комнаты был накрыт стол на два прибора с громадным золотым канделябром.

Незнакомец поставил шкатулку на стул и зажег свечи. Затем он вынул из буфета несколько бутылок вина, большой пирог, фрукты и пригласил своего гостя сесть к столу.

Необычная прогулка возбудила у Ральфа аппетит. Когда оба насытились, незнакомец пододвинул свое кресло к камину и предложил гостю последовать его примеру.

– Настала минута серьезно и подробно обсудить дело, которое привело нас сюда. Несколько веков тому назад я сидел на том же кресле, на котором сидите вы, и так же с тревогой и волнением слушал рассказ о жизни моего предшественника по обладанию великой тайной, которую я хочу доверить нам. Теперь выслушайте историю моего прошлого, как и я некогда слушал жизнеописание того, кто привел меня сюда.

Мое официальное имя – Нарайяна Супрамати, индусский принц. Это имя, как и все документы, подтверждающие его, и все преимущества, с ним связанные, я получил от того, кто завещал мне «Эликсир Жизни». Настоящее мое имя – Архезилай.

Я родился в Александрии, во время царствования Птолемея Лага, которому достался Египет после смерти Александра Великого. Мой отец, Клоний, служил в войске под начальством Лагида и связал свою судьбу с его. Сделавшись господином Египта, Птолемей щедро наградил моего отца и дал ему значительную должность при своем дворе. Я рос в роскоши; а так как я был единственным ребенком, то родители страшно баловали меня и я вел рассеянную жизнь, отдаваясь одним только удовольствиям.

В двадцать лет я потерял отца. Лишившись последней узды, я наделал таких безумств и вел такую беспорядочную жизнь, что в пять лет растратил свое состояние и в одно прекрасное утро проснулся больным и нищим. Разгульная жизнь одинаково истощила и мое тело, и мой кошелек.

Настало время грустных испытаний. Все друзья, толпившиеся на моих пирах, все женщины, оспаривавшие друг у друга мое расположение, и даже паразиты, питавшиеся моими благодеяниями, – все бросили меня. Я остался один, без гроша в кармане и, конечно, умер бы от нищеты и болезни, если бы меня не подобрал один бедный человек, бывший солдат, служивший под начальством моего отца.

Он стал ухаживать за мной. Когда же я настолько поправился, что мог ходить, мы оставили Александрию и отправились в небольшое имение, доставшееся в наследство Мериону – как звали моего покровителя. Там ждало нас новое разочарование. Клочок земли, расположенный на границе пустыни, едва мог прокормить нас, а дом был не более, как полуразвалившаяся мазанка. Однако Мерион ни за что не хотел возвращаться в Александрию. Он был человек молчаливый, мизантроп, бегущий от людей. Как и я, он был полон горечи и достаточно испытал человеческой неблагодарности и вероломства.

Я не возражал, когда он избрал для жилища соседний грот, и стал помогать ему в работе, дававшей нам скудное пропитание.

Свежий воздух и труд вернули мне здоровье и в течение некоторого времени я забылся в этой новой жизни. Я думал также о своем прошлом и сурово судил себя за свое непростибельное безумие, сделавшее из меня нищего и парию. Тем не менее, пока был жив мой старик-покровитель, я терпеливо выносил такую жизнь. Я уже привык к труду. Когда по вечерам мы беседовали, сидя перед гротом, и старый солдат говорил мне про войны Александра и рассказывал тысячи любопытных случаев из своих походов по Индии и Персии, я забывал свою настоящую нищету и жил этим славным прошлым.

Четыре года спустя Мерион умер, и я остался один. Мало-помалу одиночество начало тяготить меня, а потом сделалось положительно невыносимым. Я начал думать о своей прежней жизни, о роскоши и комфорте, которыми был окружен, об изящном и просвещенном обществе, и почувствовал, что меня неудержимо влечет к тому неблагодарному миру, откуда я был навсегда изгнан. Горькое отчаяние овладело мной. День ото дня настоящая жизнь становилась мне все ненавистней, а желание вернуться к светской жизни все сильней. А между тем желание это было неосуществимо, так как у меня ничего не было, кроме пещеры, превращенной Мерионом в убогое логовище; в том же рубище, какое было на мне, меня, как нищего, прогнали бы от порога всех тех дворцов, где жили мои бывшие александрийские друзья. Что касается того, чтобы вернуться в столицу и искать там занятий, то об этом нечего было и думать, так как я ничего не знал и не мог зарабатывать свой хлеб.

Прошло более года в такой тяжелой внутренней борьбе. Мое отчаяние достигло своего апогея; я получил полное отвращение к жизни и уже думал положить конец такому существованию.

Однажды ночью я лежал у входа в грот, предавшись своим мрачным думам, как вдруг услышал приближающиеся шаги. Сначала я подумал, что это молодой пастух, который иногда приносил мне кое-что из соседней деревни; но когда чей-то незнакомый голос назвал меня по имени, я с удивлением вскочил на ноги.

Передо мной стоял высокий мужчина, закутанный в темный плащ, с выразительным и энергичным лицом.

– Ты хочешь умереть, Архезилай, чтобы избавиться от жалкой, несчастной жизни, какую ты влачишь в этой пустыне? – сказал звучным голосом, устремляя на меня пылающий взгляд. – Хотя ты и заслужил свою судьбу, так как сам виноват в своем несчастье, но я сжалился над

тобой. Если хочешь, я возьму тебя с собой в такое место, где ты будешь огражден от нищеты и проживешь так, сколько сам пожелаешь.

Из всех этих слов я понял только то, что мне предлагают оставить эту ужасную пустыню, где я гнил заживо. Я вскочил.

– Кто ты, великодушный чужеземец, явившийся вытащить меня из моей нищеты? – спросил я дрожащим голосом. – Конечно, я с радостью последую за тобой, так как выбился из сил и не могу больше прозябать в этой пустыне. Но как я пойду за тобой в этих лохмотьях, с босыми ногами и нечесаной бородой?

– Кто я – это ты узнаешь, когда придет время; об остальном же не беспокойся, – ответил незнакомец.

Он достал из-под плаща сверток, который подал мне, и корзину, которую поставил на землю.

– В этом узле ты найдешь одежду и ножницы, чтобы остричь волосы и бороду. Ступай, умойся в источнике и возвращайся скорей!..

Я не заставил повторять себе два раза. Схватив узел, я бросился к источнику, вымылся и подстриг волосы и бороду. Затем я надел фиолетовые одежды, кожаные ботинки и осмотрелся в зеркало, находившееся тут же вместе с темным плащом, фетровой шляпой и флаконом ароматического масла.

Очень довольный своей внешностью, напоминавшей мне былые времена, я вернулся к незнакомцу, который сидел у входа на большом камне и развязывал корзину, откуда вынул кувшин вина и холодное мясо.

Незнакомец осмотрел меня с головы до ног и сказал с улыбкой:

– Теперь ты снова похож на человека, и я вижу, что ты вовсе не прочь поскорей оставить эти места.

– О, я хотел бы уже быть далеко отсюда! – ответил я, вдыхая полной грудью.

– Время терпит, – с особенным выражением сказал мой покровитель. – Закусим и выпьем, а потом в путь. Я с наслаждением съел отличный кусок дичи и выпил кубок старого вина. Потом мы двинулись в дорогу. В некотором расстоянии от грота нас ждали два великолепных скакуна, которых держал слуга, маленький и горбатый, как тот, который сопровождал нас.

Мы прибыли в Александрию. Хотя у меня в кармане и лежал полный кошелек, но мой покровитель не позволил мне видиться ни с одним из моих друзей. В тот же вечер мы сели на корабль и отплыли в Европу.

Умолчу о подробностях нашего путешествия; достаточно будет, если я скажу, что мой спутник привел меня именно сюда. С эспланады скалы я видел тот же пейзаж, которым любовались и вы, и который почти не изменился с того времени. Потом мы вошли в эту самую комнату, где сейчас сидим. Здесь тоже почти ничего не изменилось. Эти же драпировки, которые словно сделаны из неразрушимой ткани, покрывали стены; стулья те же. О тех переменах и улучшениях, какие я сделал, не стоит и говорить.

Сидя, как и мы теперь, слушал я рассказ о жизни моего спутника, как и вы слушаете мой, а затем он показал мне то, что я сейчас покажу вам.

Нарайяна встал и вместе с Ральфом подошел к шкафу и отодвинул его. За ним находилась чугунная резная вставка, посередине которой была инкрустирована из драгоценных камней каббалистическая фигура. Объяснив доктору, как приводить в действие пружину, Нарайяна открыл раму, за которой оказался обширный шкаф, переполненный шкатулками и ящичками всевозможных размеров. Посередине лежало что-то вроде металлической подушки, на которой стояла темная шкатулка, к крышке которой точно приросло пламя.

Нарайяна взял эту шкатулку, перенес ее на стол и открыл. Внутри она была обтянута материей такого голубого цвета, какого Ральф еще никогда не видел. На этом необыкновенно

нежном фоне лежали два хрустальных флакона с золотыми пробками, золотая ложечка величиной с ореховую скорлупу и круглый ящичек, сделанный будто из слоновой кости.

С чувством любопытства и суеверного страха смотрел молодой доктор на содержимое шкатулки и на эти флаконы, содержащие одну из величайших тайн.

– Здесь, – сказал Нарайяна, – находится эликсир жизни. Кто открыл его? Кто вырвал из космического хаоса это страшное вещество? Я не знаю. Тот, кто посвятил меня, сказал, что получил эту тайну таким же путем, как и я передаю вам. Тем не менее я расскажу вам, что говорят об этом, не ручаясь за достоверность, так как здесь – все тайны, и даже все свойства эликсира жизни еще не исследованы ввиду того, что бояться обращаться с этой опасной субстанцией. Говорят, что это газ, имеющий свойство поддерживать равновесие между стихиями, а также и разделять их. Но в силу какого-то неведомого закона это же самое вещество, будучи введено в организм, даст ему способность противостоять разрушению. Другое предание гласит, что в центре земли, под охраной четырех стражей, бьет огненным фонтаном эта же самая субстанция и что один профан, попав случайно в эти глубины, похитил немного таинственной жидкости. Как это ему удалось? Пользовался ли он какими-нибудь химическими приемами для составления этого жидкого огня, наполняющего флаконы, и этого порошка в коробке? Все это неизвестно. Я могу только указать вам, как следует употреблять эти ингредиенты.

Нарайяна открыл ящик с белым порошком и продолжал, указывая на золотую ложечку:

– Если вы возьмете из флаконов ложку жидкого огня и с булавочную головку этого порошка, да смешаете их, то оба эти вещества в соприкосновении с воздухом превратятся в бесцветную и прозрачную, как вода, жидкость, которой достаточно будет, чтобы дать бессмертие нескольким сотням людей. Вам нет надобности готовить все это самому, так как жидкости, приготовленной одним из моих предшественников, хватит и вам и целой серии ваших наследников. Эту жидкость я передам вам после. Теперь я должен еще прибавить, что, как уверяют, этот порошок заключает в себе сущность четырех видимых стихий: воздуха, огня, воды и земли. С той минуты, как произойдет соединение с эликсиром жизни, стихии теряют всякую власть над тем, чье тело пропитано этим напитком. Ни вода, ни огонь, ни буря не будут в состоянии причинить вам вреда. Ваше тело сделается неразрушимым. Но жить слишком долго тоже неудобно и, как видите, я в конце концов пришел к тому, что желаю умереть. Итак, скажите, желаете ли вы получить от меня этот эликсир жизни, обладать которым вы так жаждали, и принять на себя все обязанности, связанные с этим таинственным даром?

Ральф сжал руками голову.

– Все, что вы говорите, до такой степени странно, что мой мозг не способен так скоро ориентироваться, – пробормотал он.

– Успокойтесь! Я понимаю ваше волнение, так как сам некогда пережил его. Впрочем, я должен прибавить еще несколько необходимых подробностей, чтобы вы могли уяснить себе хорошие и дурные стороны жизни, которая считает века, как вы считаете годы. Во-первых, поговорим о физической стороне: вы никогда не будете больны; ни утомление, ни холод, ни жара не будут иметь на вас никакого влияния. Вы будете спать по привычке, и будете спать хорошо; но вы так же легко будете обходиться и без сна. Вы останетесь доступны для чувства голода или, верней, вы будете ощущать приятный аппетит, но в крайнем случае, вы можете очень долго прожить и без всякой пищи. Таинственный эликсир одаряет неизвестными силами не только тело, но и душу. Вы сделаетесь ясновидящим, будете видеть и слышать то, что недоступно другим смертным, и одним прикосновением станете исцелять разные болезни. Наконец, вам не страшны будут ни яд, ни пули, ни пожары, никакие последствия излишеств. Одним словом, тело ваше становится неразрушимым; но из этой плотской темницы очень трудно освободить душу. Теперь я перехожу к социальному положению.

Нарайяна взял принесенную с собой шкатулку и вынул оттуда связку бумаг.

Вот документы, доказывающие законность имени и владений принца Нарайяны Супрамати. А это – мое завещание, засвидетельствованное у английского нотариуса в Калькутте, которым я завещаю моему младшему брату, носящему, как и я, имя Нарайяна Супрамати, все мои имения, список которых приложен здесь, а также сотню миллионов, лежащих во всех банках Старого и Нового Света. Впрочем, все это только обрывки того безграничного богатства, которым располагает обладатель эликсира жизни. Взгляните на эти шкатулки.

Нарайяна снова подошел к шкафу и открыл несколько шкатулок.

– Все они полны бриллиантами, жемчугом, рубинами, изумрудами и другими драгоценными камнями, из которых каждый представляет целое состояние. А здесь, – он нажал кнопку, причем открылось соседнее отделение, широкое и круглое, как колодец, – лежат слитки чистого золота. Насколько глубок этот золотonosный колодец, я положительно не знаю. Может быть, он доходит до подошвы горы. Во всяком случае эта сокровищница неистощима и позволяет жить по-царски. Теперь перейдем к оборотной стороне медали.

Насладившись всеми благами, какие дает безграничное богатство, удовлетворив свое самолюбие мезтью и низостью людей, пресмыкающихся перед золотом и, наконец, вкусив порока и любви во всех видах, человек впадает в ужасную болезнь, сопровождающую драгоценный дар бессмертия, – пресыщение. Им овладевает непреодолимое желание убежать от этого гама, от всех увеселений и светской пустоты и скрыться от людской лживости и жадности. Все перевидев и все испытав, душа устает в этом неутомимом теле. Она начинает чувствовать настоятельную потребность в уединении и тишине и ею овладевает болезненная жажда свободы. Но чтобы понять это, надо самому испытать. Когда для меня наступали такие минуты отчаяния, горечи и нравственной духовной усталости, я бежал в один из своих глухих замков или в уединенное убежище в Гималаях.

Там, совершенно один, за исключением нескольких необходимых слуг, я искал забвения и утешения в работе и сне. Но сон – этот друг и утешитель бедных и обездоленных – уже не мог успокоить меня и заглушить тягостную дисгармонию между больной душой и вечно здоровым телом. Труд еще был лучшим средством, и я жадно искал истину во всех формах. Но ее трудно найти, несмотря даже на странную и таинственную силу, которой я был пропитан. В особенности же я изучал это дьявольское вещество, полное искушения, как кубок упоительного вина, горечь которого чувствует только тот, кто осушил его до дна. И вот, несмотря на все мои исследования, я все-таки ничего не знаю. Я перерыл все книги магии и герметической науки, но все было напрасно. Алхимики тщетно искали эликсир жизни, а я, имея его в руках, никак не мог сделать его анализ. У меня бывали мрачные часы, когда я стучался в двери ада и вызывал его обитателей. Жажда жизни и наслаждений привлекала их: они являлись и умоляли меня дать им хоть каплю этой жидкости, чтобы они могли принять телесную оболочку.

– И вы давали этим нечистым существам? – пробормотал Ральф, у которого от всего услышанного кружилась голова.

Нарайяна покачал головой.

– Как вы могли это подумать? Нет, я оставался неумолимым, так как всегда боялся неосторожно коснуться до неведомых и ужасных законов. Но я вызывал не одних нечистых существ; я призывал также чистых, почти божественных духов. Лучезарные, они смутно являлись мне и говорили о вере и молитве; я... а я разучился молиться! И чего мог я просить у Божества? Я был бессмертен и никакая опасность или болезнь не грозили мне; я наслаждался неистощимым богатством, а века, как броней, одели мою душу равнодушием. Одно лишь пресыщение мучило меня. Я прятался в самых глухих из своих замков только для того, чтобы снова возбудить вкус к жизни среди людей.

– Разве так трудно жить без горя и разочарований, не чувствуя постоянно у себя под ногами бездну небытия? – пробормотал доктор.

Нарайяна разрешился сухим и звонким смехом.

– Вы еще не поняли всего трагикомизма положения. Эликсир жизни охраняет целостность тела и развивает скрытые способности души, но он не делает неуязвимым того, что думает и живет в нас. Под корой, созданной исключительными обстоятельствами, трепещет душа, которая очень болезненно просыпается иногда. Не так давно я испытал любовь, – такую любовь, к какой не считал себя способным и которая поглощает все существо человека. И вот женщина, которую я боготворил и на которой хотел жениться, простудилась и заболела. Болезнь показала мне неопасной, но вдруг ее состояние ухудшилось – и через несколько часов любимая женщина скончалась на моих руках. Вникните хорошенько: она умерла, а у меня в руках был эликсир жизни!...

В этих словах звучали такая ярость и отчаяние, что Ральф вздрогнул и в то же время спросил себя, почему Нарайяна не воспользовался могущественным средством, бывшим у него в руках.

Тот точно услышал его мысль и сказал с горькой насмешкой:

– Потому что несмотря на все, я оставался человеком и рабом рока. Я не имел времени достать жидкость, столь драгоценную для меня в то время, так как из принципа никогда не таскал с собой это опасное вещество. О! Тогда я был как сумасшедший и жаждал умереть. Может быть, мне и не следовало бы говорить вам все это, но я считаю своим долгом раскрыть перед вами все хорошие и дурные стороны того, что я вам предлагаю.

Воцарилось довольно долгое молчание. Бледный, с лихорадочным взглядом, Ральф молча смотрел то на собранные сокровища, то на ужасную жидкость.

– Постарайтесь успокоиться и обдумайте все на свободе. Я не требую немедленного ответа. Вы имеете полное право требовать, чтобы вам дали время зрело все обдумать и взвесить все *за* и *против* моего предложения.

Он встал, убрал все на место и запер шкаф. Затем, обернувшись к Ральфу, он сказал:

– Пойдемте! Для развлечения я покажу вам залу предков, то есть место, где покоятся мои предшественники.

Нарайяна отодвинул драпировку и открыл дверь.

Они снова очутились в узком коридоре, высеченном в скале. Сделав шагов двадцать, они свернули направо, и доктор с невыразимым удивлением увидел, что продолжение галереи было пробито во льду. В этой ледяной галерее кое-где стояли высокие треножки, тоже из льда, на которых горело какое-то вещество, издававшее ослепительный свет, но, очевидно, не распространявшее ни малейшего тепла.

От синеватых, прозрачных, как хрусталь, стен веяло ледяным холодом, и Ральф следовал за своим странным проводником, охваченный неприятной дрожью.

После нескольких минут ходьбы они вошли в обширный грот, освещенный, как и галерея, и имевший волшебный, фантастический вид.

Внимание Ральфа было тотчас же привлечено целым рядом саркофагов, артистически высеченных из льда, из которых немногие были заняты телами.

С трепещущим сердцем Ральф начал осматривать останки этих людей, живших вне обычных законов природы, к числу которых он мог, если пожелает, причислить и себя.

Все это были красивые мужчины во цвете лет и, казалось, они мирно спали в своих ледяных гробницах; все были одинаково одеты в длинные и широкие белые туники, а на головах у них были венки из белых фосфоресцирующих цветов, свежих, как будто они только сейчас были они сорваны.

Нарайяна подошел к одному из покоившихся мирным сном и устремил на него мрачный и задумчивый взгляд. Затем, обернувшись к доктору, он указал на один пустой саркофаг и сказал с непередаваемым выражением:

– Мое место рядом с тем, кто посвятил меня, а там, дальше – ваше, когда вы захотите положить предел долгому жизненному странствованию.

Ральф пытливо взглянул на него.

– В конце концов, вы все-таки не бессмертны и ваше тело разруσιμο, так как вы можете умереть, – заметил он.

Нарайяна улыбнулся.

– Да, я могу умереть, если сумею уловить настоящий момент, благоприятный для моего разложения. Должен вам сказать, что через известный промежуток времени происходит ослабевание астрального тела. Изнашивается не плотское тело, а узы, связывающие душу с ее материальной оболочкой. Взгляните на эти тела, которые лежат, как живые. Ни время, ни тление не коснулось их. Они неразрушимы. Отлетела только бессмертная гостья – божественная психическая искра. Поймите же меня хорошенько: если я уловлю этот момент и вторично приму жизненный эликсир, смешанный с чужим жизненным соком, уже пришедшим в состояние разложения, то я сожгу узы, привязывающие мою душу. В вас, Морган, уже происходит таинственный процесс отделения астрала от материальной оболочки. Уже силы разделились на два лагеря: одни – чтобы вознестись, другие – чтобы погрузиться в великую лабораторию, химически переработаться там и послужить для новых соединений. Все, что состоит из воздуха и железа – возносится, а что состоит из воды и земли – разлагается. Итак, если я введу эту борьбу в узы, связывающие меня с телом, то узы эти разорвутся и я буду свободен.

– И я также, в случае нужды, могу воспользоваться этим средством, чтобы освободиться?

– Без сомнения, если вы сумеете уловить удобную минуту, но только не раньше нескольких столетий. Впрочем, не думайте, что легко умереть, прожив так долго. И все-таки, что бы было с человеком, если бы он не имел этой надежды на конечное освобождение. Берегите же хорошенько эту таинственную жидкость: если вы потеряете ее или ее у вас похитят – вы потеряете возможность умереть. А теперь вернемся назад.

Проходя по ледяному коридору, Ральф снова почувствовал, как дрожь пробежала по его телу. Он прозяб до костей, и страшная слабость сковала его члены. Он предположил, что это дают себя чувствовать усталость и волнения последних дней.

Вернувшись в круглую залу, он выпил кубок вина и почувствовал, что это укрепило его. Затем он попросил у Нарайяны позволения отдохнуть немного, так как чувствовал такую усталость, что был совершенно не способен думать и принять какое-либо решение.

Тот тотчас отвел своего гостя в небольшую комнату, также высеченную в скале и роскошно меблированную. В камине пылал яркий огонь, распространяя приятную теплоту, но Ральф продолжал дрожать. Даже не раздеваясь, бросился он на диван, закрылся толстым шерстяным одеялом и скоро заснул тяжелым, лихорадочным сном.

Когда Ральф проснулся, он чувствовал себя очень нехорошо. Страшный жар сменялся ледяной дрожью, члены были тяжелы, а грудь точно пронизывали раскаленные лезвия. Как доктор, Ральф тотчас же понял, что он простудился в ледниках и что у него открылось опасное воспаление легких. Он хотел встать, но у него не хватило сил, и он с горечью снова упал на диван. В нескольких шагах от таинственного эликсира он умрет одиноко в этом скрытом от людей гроте.

Немного спустя пришел Нарайяна. Осмотрев больного, он покачал головой и сказал с участием:

– Я слишком понадеялся на ваши силы. Вы простудились и это ускорило, впрочем, неизбежный конец. Вы стоите теперь на узкой тропинке, ведущей в потусторонний мир. Эликсир еще мог бы спасти вас, но я понимаю, что в вашем положении вы не желаете, может быть, им воспользоваться. Друг мой! Окажите мне услугу и, прежде чем умереть, дайте немного вашей крови, чтобы я мог воспользоваться ею для своего освобождения.

Ральф со слабой улыбкой протянул ему руку.

– Берите! – прошептал он.

Нарайяна отвернул рукав рубашки, вынул из кармана флакон и сделал ланцетом небольшой надрез на коже. Брызнула кровь. Он тщательно собрал ее во флакон, а затем с ловкостью опытного хирурга наложил на порез повязку.

– Благодарю вас, и прощайте! – сказал он, крепко пожимая пылающую руку Ральфа. – Или, верней, до свидания в том мире!

Он кивнул головой и направился к двери. Ральф окликнул его сдавленным голосом:

– Оставьте мне немного вашего эликсира на случай, если смерть очень испугает меня, – стыдясь и страстно желая, пробормотал он.

Странная улыбка скользнула по красивому и строгому лицу Нарайяны.

– Хорошо! Я сейчас принесу, – ответил он. Минуту спустя он вернулся с небольшой шкатулкой, которую молча открыл. В ней находились два флакона: один побольше, другой поменьше. Нарайяна взял хрустальный кубок и налил в него из большого флакона немного жидкости. Подняв на свет кубок, он показал доктору, что на дне его находится вещество, похожее на жидкий огонь.

– Вот! – сказал он, ставя кубок на стол и тщательно закрывая его стеклянной пластинкой. – Если вы выпьете это, вы вступите здесь во владение всем наследством. В этом флаконе содержится эликсир, уже готовый к употреблению. Прощайте!

Взяв из шкатулки маленький флакон, Нарайяна поклонился и вышел.

Доктор остался один. Устремив взгляд на кубок, содержащий в себе жизнь, он продолжал лежать, не будучи в состоянии решиться дотронуться до него. А между тем положение его ухудшалось с часу на час. Он горел как в огне; острая боль терзала грудь, дыхание было затруднено и минутами ему казалось, что он задыхается.

Несмотря на живительное питье, стоявшее у него под рукой, жажда становилась все мучительней. Черное покрывало заволакивало, казалось, ему глаза и временами он терял сознание. Очевидно, приближалась страшная незнакомка, которая косит жизни людей.

Вдруг горькое сожаление сдавило сердце Ральфа. Он почти не знал жизни. Трудовая молодость его прошла в бедности, и он тяжело боролся из-за куска насущного хлеба, а когда достиг наконец честного и скромного довольства, на него обрушилась болезнь. Его мучили страдания и неутомимое желание проникнуть в непонятные тайны человеческой жизни. Теперь же, имея под рукой самую эссенцию жизни, он умирает – и умирает вследствие своей собственной нерешительности. Правда, этот кубок сулит страшную и неизвестную тайну, но, несмотря на это, не лучше ли она этой тяжелой смерти, медленно мучающей его?

Вдруг у него захватило дыхание: клейкая масса, казалось, наполнила его грудь, поднялась к горлу и душила его. Огненные круги стали носиться у него перед глазами, и он на минуту потерял сознание.

Глава вторая

Когда Ральф очнулся от своего забытья, лихорадочный жар сменился чувством ледяного холода и смертельной слабости; члены его налились точно свинцом и отказывались служить. С ужасом увидел он, или ему показалось, что видит, будто от его рук и груди поднимался черноватый пар. Страшная тоска и безумный ужас перед разрушением овладели им. Он хотел схватить кубок, но не мог поднять руки. Он слишком долго медлил...

Но нет! Он не хочет умирать, когда спасение здесь. В нем внезапно проснулась вся его сила воли. Сделав нечеловеческое усилие, он поднялся, похолодевшие пальцы его схватили кубок и сбросили на пол стеклянную крышку.

Острый и удушливый аромат ударил ему в лицо и так сильно подействовал на него, что ему показалось, будто он вдохнул жизнь. Разум его просветлел и дыхание сделалось свободным. Не колеблясь больше ни минуты, он поднес кубок к губам и залпом осушил его.

Сначала он почувствовал, что проглотил жидкий огонь, а затем произошло что-то вроде внутреннего взрыва. Тело его распадалось как будто на тысячу атомов, которые кружились в море ослепительного света.

Одна мысль, что он обманут и отравлен, мелькнула в его наболевшем мозгу; а затем, как пораженный молнией, он упал на подушки.

Сколько времени лежал Ральф без сознания, он сам не мог сказать. Открыв глаза, он не помнил ничего о случившемся и воображал себя в Лондоне, в своей маленькой квартирке в предместье. С немым удивлением блуждал он глазами по тяжелой восточной материи, по мебели древнего образца и по другим вещам, окружавшим его в этом совершенно незнакомом месте.

Вид пустого кубка, лежавшего на одеяле, заставил Ральфа быстро вспомнить о его необыкновенном приключении.

Острая тоска и страх перед безвозвратно совершенным необдуманном поступком сдавила ему сердце. Теперь он ясно вспомнил свой приход в ледники, рассказ незнакомца, свою агонию и страх смерти, побудивший его выпить таинственную эссенцию, которая остановила разложение тела. Эликсир, действительно, оказал действие, предсказанное Нарайяной, так как Ральф чувствовал себя таким крепким и здоровым, как никогда. Живительная теплота пробегала по его жилам, легкие функционировали легко, а сердце билось спокойно и правильно. Доктором овладело неудержимое желание снова увидеть Нарайяну и попросить у него еще некоторых объяснений.

Ральф соскочил с дивана, умылся и поспешно оделся, а затем подошел к туалету, стоявшему в нише, которого он раньше не заметил. На туалете стояло большое зеркало в серебряной рамке и лежали щетка, гребенка и другие необходимые для туалета вещи.

Ральф зажег свечи в двух подсвечниках, прикрепленных к рамке, и собирался расчесать свои густые, темные волосы, как вдруг взгляд, брошенный им в зеркало, заставил его вздрогнуть и отступить назад.

Неужели это он – этот отразившийся в зеркале красивый молодой человек, полный сил и энергии, с полным огнем взором и пурпурными губами, жаждавший, казалось, осушить до дна пенный кубок жизни?

От землистой бледности лица, от черных кругов под глазами и от слабости, раньше времени сгорбившей его высокий и стройный стан, не осталось и следа. Свершилось чудо. Он сделался совершенно новым человеком и чувствовал, что по его жилам пробегает неиссякаемая сила жизни.

Ральф тихо вернулся назад, сел в кресло и задумался, опустив голову на руки. Страх и тоска, овладевшие им в черную минуту, исчезли и уступили место какому-то странному спокойствию и глубокому блаженству, смешанному с чувством гордого самодовольства.

Минуту спустя он встал, радостно потянулся своими сильными членами и вышел из комнаты. Ему хотелось увидеть Нарайяну и расспросить его о многом, что казалось ему темным, но он тщетно всюду искал его.

Охваченный тяжелым предчувствием, он почти бегом направился в склеп предков. На этот раз он прошел ледяной коридор, даже не почувствовав холода. Из него выделялся, казалось, неистощимый поток тепла, но он не обратил на это внимания.

Со сдавленным сердцем вошел он в зал, где стояли ледяные саркофаги таинственных людей, пресытившихся жизнью.

Достаточно было одного взгляда, чтобы он убедился, что предчувствие не обмануло его: в одной из гробниц, бывшей еще вчера пустой, лежал Нарайяна.

Со сдавленным криком бросился Ральф и, склонясь над ним, глядел на красивое, неподвижное лицо его, на котором застыло, казалось, ясное выражение торжества. Да, он проник в тайну и добровольно оборвал астральную нить, приковывавшую его к неразрушимой материи. Когда-то он, Ральф, придет к тому же результату и займет ложе рядом с тем, кто посвятил его в тайну?

Охваченный внезапной слабостью, он прислонился к своей будущей могиле и закрыл глаза. Им овладел невыразимый страх перед громадностью времени, расстилавшемся перед ним подобно бесконечному пути.

– О, Нарайяна! Зачем ты искусил меня? Зачем ты оставил меня, не сказав, что это за эссенция, которую я проглотил, что я должен делать, чтобы наполнить эту бездну времени, не сойдя с ума, – с тоской и отчаянием пробормотал он.

– Наполни время умственным трудом. Изучай тайны, окружающие тебя и говорящие с тобой каждым атомом, ищи истину во всех формах – и тогда даже вечность не покажется тебе слишком длинной, – произнес в эту минуту чей-то глубокий и глухой голос.

Ральф вздрогнул и быстро выпрямился, со страхом и удивлением глядя на высокого старца, стоявшего в головах саркофага Нарайяны.

Строгие черты лица незнакомца дышали спокойствием, большая серебристая борода расстилалась по белоснежной тунике, а из его обнаженного тела вылетали огоньки, образуя странный огненный венец. Большие, темные глаза старца пылливо смотрели на Моргана.

– Я – тот, кто открыл тайну и извлек из космического хаоса первоначальную, творческую эссенцию, которую ты принял и которая сделает твоё тело неразрушимым, так как она будет создавать в нем все новые жизненные элементы. Но не бойся, что ты принужден будешь жить только для знания; осушив кубок наслаждений, ты сам станешь искать кубок знания. Знай также, что я покровительствую тем, кто пользуется моим открытием.

Старец сделал шаг назад, прислонился к ледяной стене и точно расплылся, подобно синеватому пару.

Ральф остался один. Теперь в его душевном состоянии произошла странная перемена. Беспокорство, нервная тоска и страх перед будущим точно чудом рассеялись, уступив место спокойствию и энергичной решимости. С радостью и благодарностью чувствовал он в себе силы и благосостояние здорового человека и у него появилось горячее желание покинуть эту ледяную пустыню и окунуться в вихрь жизни в качестве нового существа, мощного, богатого и вооруженного неизвестными и таинственными силами. На минуту он снова склонился над неподвижным лицом Нарайяны, как бы желая хорошенько запечатлеть в памяти его черты.

– Будь благословен за твой драгоценный дар! – с благодарностью пробормотал он. – Пусть твоя освобожденная душа найдет мир и счастье в сферах вечного света!

После краткой молитвы Ральф вышел из зала предков и направился в комнату, где хранились сокровища. Было ясно, что Нарайяна посетил его еще раз, так как на столе стояла открытая шкатулка, унесенная покойным, и лежали большой портфель из красной кожи и толстая книга с металлическими углами, запертая на замок, в котором торчал ключ.

Ральф с любопытством осмотрел эти вещи и перелистал пожелтевшие пергаментные листы книги, покрытые странными и незнакомыми ему знаками. Затем он открыл портфель, в котором, кроме целой серии документов, находилась пачка фотографий, представляющих внутренние и наружные виды двух старых замков, расположенных один на берегу Рейна, а другой в Шотландии. Последний особенно заинтересовал нового владельца.

Точно орлиное гнездо, лепился древний исполин со своими зубчатыми стенами, бойницами и башнями на высокой островерхой скале. Невыразимой грустью веяло от этого пустынного пейзажа и этой массы ущелий и скал, у подошвы которых пенились бурные волны. Очевидно, Нарайяна любил эти укромные места, удаленные от людей и светского шума. Без сомнения, с какого-нибудь из этих балконов он смотрел на разверзавшуюся у его ног пропасть и на расстилавшийся перед ним бесконечный океан, размышляя о странности своей судьбы. И вдруг смутное предчувствие, что уединение есть неизбежная необходимость для бессмертного человека, прокралось в душу Ральфа и серым облаком затуманило радостное доверие, наполнявшее все его существо. Ральф отбросил фотографии и взял бумажник, который видел в руках своего предшественника.

В бумажнике этом была толстая пачка банковых билетов, адреса и удостоверения. Доктор не имел ни малейшего желания в данную минуту рассматривать эти бумаги и сунул бумажник в карман. Затем, взяв из тайника, где хранились сокровища, два небольших мешочка с драгоценными камнями, он уложил их вместе с книгой и портфелем в шкатулку. Он торопился уйти, но вдруг им овладела боязнь, что он не найдет очень сложного пути, которым прошел со своим проводником. В ту же минуту произошло странное явление. Как на громадной картине, обрисовался в его памяти путь, по которому он должен следовать. Каждый подъем, спуск и поворот рисовались с такою ясностью, что всякое сомнение и боязнь исчезли.

Спокойный и исполненный новой энергией, делал Ральф последние приготовления к путешествию; а затем у него явилось желание еще раз побывать на платформе и полюбоваться чудным открывавшимся оттуда видом.

На этот раз первые лучи восходящего солнца заливали золотом и пурпуром ледники, скалы и далекие долины. Все горело и сверкало. Воздух был так чист и так живителен, что Ральф с наслаждением вдыхал его; а дышать так легко, полною грудью, было наслаждением, которого он давно уже был лишен.

Безумная радость жизни проснулась в его душе. О, как хорошо он сделал, что в последнюю минуту выпил возрождающую эссенцию. Это восходящее солнце было точно прообразом его радостного будущего. Он явится среди людей человеком с обновленным телом и душой, богатым и с новым общественным положением. В эту минуту жизнь без конца показалась ему верхом счастья, и он, воздев руки кверху, громко вскричал:

– О, Нарайяна! Как мог ты расстаться с самым драгоценным из благ и добровольно уйти в неведомый мир? Разве можно пресытиться жизнью? О, никогда!

Ральф вздрогнул и умолк.

– Ха, ха, ха! – раздался рядом с ним пронзительный, зловещий смех и, как эхо, раскатился по окрестностям, мало-помалу замирая вдали.

Что это? Смеялся дух ледников или какой-нибудь пастух, затерянный в глухом ущелье? Ральф остановился на последнем предположении, но его порыв сразу упал.

Слегка не в духе, доктор вошел в коридор, чтобы взять плащ со шкатулкой и как можно скорей оставить это мрачное место.

У дверей кабинета он с удивлением увидел человека, прислонившегося к стене. При его приближении человек этот сделал несколько шагов ему навстречу и остановился, скрестив руки и склонив голову, в позе глубокого почтения.

Ральф узнал в нем слугу, сопровождавшего Нарайяну в Лондон; слуга этот исчез, как только они с покойным предприняли экскурсию в горы. Он вспомнил теперь, что этот маленький человек, со зловещим и пронизывающим взглядом, произвел на него тогда неприятное впечатление, но он скоро забыл про него. Станный слуга переменял свою простую, но изящную ливрею на серовато-коричневый костюм, состоявший из узких панталон, башмаков с острыми носками, фуфайки, стянутой у талии медным поясом, и капюшона, надетого на голову. В таком костюме это странное существо напоминало живого гнома, сошедшего со страниц какой-нибудь волшебной сказки.

– Приветствую тебя, мой новый господин! – сказал гном, склонясь до земли. – Будь таким же снисходительным к Агни, каким был Нарайяна.

– Постараюсь удовлетворить тебя, Агни! Но скажи мне, кто ты и как попал сюда? – приветливо ответил Ральф, положив руку на плечо Агни.

Тяжелый вздох вырвался из груди карлика.

– Никогда не спрашивай меня, кто я и откуда явился. Я – страж этого места и уйду отсюда только за новым господином.

– Как? Значит, и ты тоже!... – вскричал Ральф, невольно отступая назад.

Агни умоляющим жестом остановил его.

– Я стерегу здесь проклятую тайну и останки моих повелителей, – с мрачным видом пробормотал он.

Затем, проведя рукой по лбу, он прибавил:

– Я буду верно служить тебе, ожидать тебя, и когда бы ты ни приехал, ты всегда найдешь все готовым к приему. А ее? Ты оставишь ее здесь, господин? Увези, ее всегда увозят. Ее присутствие только смущает покой этого места и привлекает духов ледника.

– Я не понимаю, о ком ты говоришь? Разве здесь находится какая-нибудь женщина? – спросил пораженный Ральф.

– А! Нарайяна ничего не говорил тебе о ней. В таком случае, господин, позволь мне проводить тебя к ней. Она еще не знает, что его уже больше нет.

Ральф провел рукой по своему влажному лбу. Что с ним? Спит он или сошел с ума? Впрочем, теперь уже поздно отступать и, во всяком случае, следует узнать все тяготы принятого им на себя наследства. Очевидно, дело идет о женщине, которую Нарайяна оторвал от семейства, а теперь бросил.

– Проводи меня к ней! – решительным тоном приказал он слуге.

Агни открыл в конце коридора дверь, которую Ральф раньше не заметил, и поднялся по узкой витой лестнице во второй этаж этого странного жилища. Они прошли через богато обставленную, вроде будуара, комнату, Агни поднял тяжелую портьеру – и онемевший от удивления Ральф остановился на пороге гостиной, обтянутой полосатой шелковой материей, вышитой золотом, и мебелированной и восточном вкусе.

Прямо против входа было пробито в скале широкое и высокое окно, из которого открывался тот же чудный вид, каким он любовался с платформы нижнего этажа. Но в эту минуту молодой человек остался равнодушен к красоте природы. Все внимание его привлекла на себя женщина, полулежавшая на пурпурных подушках маленького дивана у окна.

Была ли это женщина или четырнадцатилетний ребенок, Ральф не мог определить, до такой степени она была миниатюрна, нежна и воздушна. Бледно-матовый цвет лица ее был удивительно прозрачен, будто ни одной капли крови не циркулировало под ее атласной кожей. Тем не менее, это странное создание вовсе не казалось больным: пурпурные губки ее ротика и вся ее фигура дышала здоровьем.

Несмотря на чувствительный холод, царивший на этой высоте, незнакомка была одета в легкий пеньюар из индийской кисеи, вышитый золотом и стянутый у талии шнурком. Широкие рукава обнажали классически дивные руки.

Как очарованный, смотрел Ральф на эту таинственную женщину, взгляд которой, казалось, затерялся в пространстве: она так поглощена была своими мыслями, что забыла весь внешний мир. Не фея ли это ледников, которую околдовали здесь? В этом фантастическом мире, куда его бросила судьба, все стало казаться ему возможным.

Легкий шум Агни привлек, однако, внимание незнакомки. Она быстро обернулась и молча оглядела вошедших.

Ральф тоже стоял молча. Ему казалось, что он никогда еще не видел лица такой захватывающей, демонической красоты, несмотря на его юный вид. Большие, черные., как бархат, глаза с длинными ресницами и с почти невыносимым блеском задумчиво смотрели на него.

Агни подошел и сказал вполголоса несколько слов на неизвестном языке. Молодая женщина или девушка вздрогнула и быстро встала. Ее пылающий взгляд с загадочным выражением блуждал по высокой и стройной фигуре Ральфа.

– Подойдите, сударь, – сказала она по-английски, протягивая доктору свою маленькую руку.

Тот почти машинально подошел и поднес к губам ее тонкие пальчики. Он не видел, как по губам Агни скользнула злая улыбка.

– Теперь я уверен, что она не останется здесь, – пробормотал гном, бесшумно исчезая за портьерой.

На минуту воцарилось тягостное молчание. Сердце Ральфа усилено билось и какое-то незнакомое, но могущественное чувство начало овладевать всем его существом.

– Могу я спросить вас, сударыня, кто вы и по какому случаю вы очутились здесь? – нерешительно спросил, наконец, Ральф.

Непонятное выражение скользнуло по подвижным чертам лица незнакомки.

Меня зовут Нара, а что я такое, начиная с настоящей минуты, вы найдете в завещании того, кому вы наследовали, – ответила она ясным голосом, не сводя огненного взгляда со своего собеседника.

Ральф нервно выхватил из кармана бумажник, вынул оттуда завещание и прибежал его глазами. Вдруг он побледнел и вскрикнул с волнением:

– Вы вдова Нарайяны? В завещании сказано, что я должен жениться на вас!

– И вы этого не желаете? – насмешливо спросила Нара.

– Желая ли я! – пылко вскричал Морган. – Никогда еще в жизни не видал я такой обаятельной женщины, как вы! Если вы согласитесь быть моей, наследство Нарайяны будет для меня вдвое драгоценно и священо. Как только уляжется ваше законное горе и окончится срок траура, я буду счастлив соединить мою жизнь с вашей.

Нара улыбнулась.

– В таком случае уедем отсюда. Если вы ничего не имеете против, мы отправимся в Венецию: там у нас есть прекрасный дворец. Мы отдохнем от всех волнений, решим все остальное и назначим время нашей свадьбы. Торопиться нам нечего. Слава Богу, времени у нас довольно.

Ее улыбка и ответ произвели на Ральфа неприятное впечатление. Целый рой вопросов, сомнений и предчувствий восстал в его уме.

Итак, это странное создание тоже было бессмертно? Да, как молода ни казалась она, со своей белой атласной кожей и девственной грацией, взгляд ее выдавал тайну ее жизни. Ему не хватало свежести и радостной беззаботности истинной юности, в нем таилось что-то такое, что он уже подметил в глазах Нарайяны.

Она – его жена. Отчего же он покинул эту очаровательную женщину? Разумеется, он любил ее, так как дал ей драгоценную эссенцию, чтобы удержать ее при себе. А между тем

в спокойном и холодном взгляде Нары не заметно было ни малейшей печали, ни малейшего сожаления о спутнике долгого совместного странствования – о супруге, о смерти которого она только что узнала.

Ни одна слеза не омрачила блеск черных бриллиантов, смотревших на него; напротив, Нара почти с циничным равнодушием говорила о своем новом браке с другим. Не было ли между ними несогласия? Нарайяна говорил, что любил одну женщину, которая умерла прежде, чем он успел дать ей эссенцию жизни. Или, может быть, сердце, бившееся в этой беломраморной груди, было до такой степени изношено временем, что сделалось неспособным чувствовать любовь, жалость и горе, которые причиняют обыкновенно смерть близкого и дорогого существа.

А Нарайяна должен был быть близким и дорогим ей существом. Не образовало ли их долгое прошлое неразрушимых уз, какие создаются тысячью воспоминаний, интимных событий и часов любви? Могло ли все это исчезнуть в одну минуту и быть сметено, как пыль, не оставив следа в женском сердце?

Несмотря на все возраставшее очарование, произведенное молодой женщиной, ледяная дрожь пробежала по телу Моргана и глубокий вздох вырвался из его груди.

Нара жгучим взором наблюдала за ним. Бархатные глаза ее то омрачались, то горели огнем. Можно было подумать, что она слышит мысли Моргана и отвечает на них. Вдруг она наклонилась к молодому человеку и дотронулась своей ручкой до его лба.

– Полно думать и мучить себя пустыми вопросами, мой бедный друг, – сказала она не то с горечью, не то с насмешкой. – Время – наш великий повелитель и господин – научит вас судить обо всем иначе, чем вы это делаете в настоящую минуту, так как теперь вы еще находитесь под влиянием чувств, воспоминаний и убеждений обыкновенного существования, короткого и призрачного, как жизнь простого смертного. Может быть, когда-нибудь я расскажу вам про Нарайяну, но только не сегодня. А теперь нам время отправляться. Идите и ждите меня в комнате сокровищ, я переменю костюм и сейчас же приду к вам.

Ральф молча поклонился и ушел в указанную комнату. Там он сел у стола, на котором лежал его плащ и стояла шкатулка. Опустив голову на руки, он задумался, стараясь разобраться в массе причудливых событий, которые случились с ним в течение последних дней, и в которых он чувствовал себя запутанным, как в паутине.

Легкий шум оторвал его от дум. Он обернулся и увидел Нару, которая входила, застегивая перчатки. На молодой женщине было надето простое черное суконное платье, жакетка и черная же фетровая шляпа. В руках она держала небольшой кожаный саквояж и альпийскую палку. На шее, на тоненькой золотой цепочке, висел лорнет.

В таком костюме она ничем не отличалась от всякой другой женщины-аристократки, путешествующей в горах. Черный костюм еще рельефней выделял красоту ее ослепительно белого лица и пепельных с золотистым отливом волос.

– Вы не забыли дорогу, Ральф Морган? Впрочем, я сама отлично знаю ее и даже могу указать вам кратчайшую, – сказала молодая женщина, по лицу которой скользнула усмешка, когда она встретила пылающий, полный восхищения взгляд доктора.

– Дорогу я помню. Но откуда вы знаете мое имя? Насколько помню, я еще ни разу не называл себя, – спросил удивленный Ральф.

Нара насмешливо расхохоталась.

– Надо же мне знать, с кем я обручена? Впрочем, отныне вы – принц Нарайяна Супрамати, а имя «Морган» можете сохранить на случай, если вам понадобится инкогнито. А теперь – в путь!

Не отвечая ни слова, Ральф последовал за ней. Он начинал чувствовать суеверный трепет перед этим прекрасным созданием, которое слышало, казалось, его мысли и читало его желания.

Спуск совершился гораздо быстрее, чем подъем, и с наступлением ночи Ральф и его спутница прибыли в гостиницу, где он останавливался с Нарайяной. Оказалось, что молодая женщина уже заняла там комнату и даже оставила свой багаж.

На следующее утро Нара вышла в глубоком трауре, вся закутанная в креп, и они отправились в экипаже на ближайшую станцию, чтобы ехать по железной дороге в Венецию.

Для Ральфа эта поездка прошла как во сне. Он только видел и слышал свою обольстительную спутницу; все чувства его были возбуждены до крайности, и сидя в купе перед молодой женщиной, он упивался ее красотой, забыв обо всем остальном.

Ральф только тогда несколько очнулся от своего очарованного сна, когда Нара прикоснулась к его руке и с улыбкой сказала:

– Посмотрите, вот Венеция!

Ральф всегда интересовался этим оригинальным городом и жаждал побывать в нем, но ему, конечно, не снилось и во сне, что он посетит его в качестве бессмертного индусского принца. В нем проснулся прежний интерес к этому городу, и он с любопытством стал смотреть в окно вагона. В эту минуту поезд вошел на гигантский мост, связывающий Венецию с материком, и остановился у вокзала.

Как только открыли двери вагонов, Нара ловко выпрыгнула на платформу. Увидев двух лакеев с галунами, видимо, искавших кого-то в толпе, она обернулась к Моргану и сказала:

– Вот наши люди! Моя телеграмма поспела вовремя. В эту минуту один из лакеев быстро подошел к ней и сказал с глубоким поклоном:

– Гондола ожидает вашу светлость!

– Хорошо, Баптисо! Позаботьтесь о багаже. Идемте, братец! Нара взяла Моргана под руку и направилась на набережную, где они сели в большую гондолу, управляемую двумя гребцами. Молча проехали они Большой канал, а затем, свернув в боковую лагуну, остановились у дверей обширного древнего дворца.

Спускалась ночь. Во мраке сумерек древние строения, обрамлявшие канал, принимали какой-то особенно мрачный и фантастический вид.

Ральф первым выпрыгнул на ступеньки и помог Наре выйти из гондолы. Они вошли в обширный вестибюль, освещенный электрическими лампочками.

Несколько слуг бросились к ним навстречу и помогли раздеться. В ту минуту, как молодые люди входили в вестибюль, на широкой мраморной лестнице, украшенной цветами и статуями, появился старик в черной ливрее и шелковых чулках. Старик этот быстро сбежал с лестницы и почтительно приветствовал Нара. Та протянула ему руку для поцелуя и сказала сдавленным от слез голосом:

– Сегодня я привезла печальную весть, мой добрый Джузеппе: возлюбленный муж мой умер!

«Однако, эта красавица Нара – очень искусная комедиантка!» – подумал Морган, видя, как та поднесла к глазам носовой платок и делала вид, что вытирает воображаемые слезы.

Старик дворецкий побледнел и крупные слезы полились по его морщинистым щекам.

– Наш добрый господин умер? – пробормотал он. – О! Какое неожиданное несчастье! Его светлость, казалось бы, был совершенно здоров.

– Увы! Жизнь человеческая так непрочна. Потом я передам вам все подробности смерти моего мужа; сегодня же я так разбита и утомлена, что жажду остаться одна. Теперь я должна вас представить моему зятю – вашему новому господину, принцу Нарайяне Супрамати, младшему брату моего мужа и его единственному законному наследнику. Это – наш верный управляющий, Джузеппе Розати. Поручаю его вашей благосклонности, Супрамати. Я же уйду к себе – поблагодарив вас за помощь и поддержку, какую вы оказали мне в моем великом несчастье.

Морган прижал к губам ее маленькую ручку и пожелал покойной ночи. Поднявшись на несколько ступеней, Нара снова обернулась.

– Джузеппе! Вы проводите принца в комнаты его покойного брата. Надеюсь, там все в порядке?

– О, ваша светлость! Конечно, все в порядке. Разве могли мы думать, что наш добрый господин не вернется?

– Отлично. Позаботьтесь же, чтобы принцу хорошо служили, и распорядитесь, чтобы завтра весь дом оделся в траур!

Сделав грациозный жест рукой, Нара взбежала по лестнице и исчезла в боковой двери.

– Пожалуйте за мной, ваша светлость! – сказал старик управляющий, прерывая мысли Моргана, который никак еще не мог ориентироваться в своем новом положении. – Эй вы, Грациозо и Беппо, посмотрите скорей, все ли готово для приема его светлости?

Слуги исчезли как тени. Ральф молча последовал за управляющим, который поднялся по лестнице и прошел длинную галерею, освещаемую с одной стороны высокими готическими окнами.

– Вот апартаменты вашей светлости, – сказал Джузеппе, указывая на дверь в конце коридора.

Они прошли целую анфиладу комнат, обставленных с царской роскошью и до такой степени украшенных драгоценными произведениями искусства, что каждая из них представляла маленький музей.

– Вот рабочий кабинет покойного принца. Эта дверь направо ведет в библиотеку, а налево – в спальню, – сказал дворецкий, пока слуга по имени Грациозо почтительно принимал от Ральфа его плащ и шляпу.

Морган с любопытством оглянулся кругом. Он находился в огромной комнате, отделанной черным дубом и просто, строго меблированной. Обивка мебели и дверная занавеска были из коричневой кожи. На большом дубовом резном бюро стояли чернильница из золота и ляпислазури и лампа под синим абажуром, слабо освещавшая обширную комнату. Через открытую дверь библиотеки виднелись резные полки, покрывавшие стены до самого потолка; но в данную минуту Ральф не обратил на них никакого внимания. Молодой человек прямо прошел в спальню. Это была комната меньших размеров, обтянутая темно-красным шелком. В ней стояли низенькая мягкая мебель и большая кровать под балдахином.

– Не желает ли ваша светлость принять ванну, чтобы освежиться после дороги, а затем поужинать? – спросил Джузеппе.

– Да, я охотно вымылся бы и поужинал, если только не придется долго ждать.

– Все готово! Я сейчас распоряджусь, чтобы ужин немедленно был подан, как только ваша светлость выйдет из ванны.

Слуги провели Ральфа в уборную, снабженную всеми атрибутами, необходимыми для туалета большого барина, каким был покойный Нарайяна, а затем в ванную, которая со своими мраморными стенами, мозаичным полом, большой ванной из порфира и чудными, украшавшими ниши статуями, положительно ослепила скромного доктора, чувствовавшего себя точно в очаровательном сне.

После ванны слуги надели на Ральфа необыкновенно тонкое белье, а Беппо подал ему красивый плюшевый халат на белой атласной подкладке.

– Покойный принц никогда не надевал этот халат. Он заказал его только перед своим отъездом, – заметили слуги, объясняя удивленный взгляд своего нового господина нежеланием надеть платье, которое носил его покойный брат.

– Давайте! – сказал Ральф, надевая халат, оказавшийся как раз по нем.

Затем он прошел в соседнюю комнату, где уже был подан обильный ужин.

Морган был голоден, а потому отдал должную дань отлично приготовленному ужину, доказывавшему, что Нарайяна имел хороший вкус.

– Дайте мне журналы за последнее время, а затем, Беппо и Грациозо, вы можете идти. Сегодня вы мне больше не нужны, и я лягу спать один, – сказал Морган, отталкивая тарелку.

Оба лакея, как тени, убрали со стола, принесли журналы и вышли из комнаты.

Когда за ними закрылась дверь и опустилась тяжелая портьера, Ральф остался наконец один. Вдох облегчения вырвался из его груди, так как присутствие слуг тяготило его.

– Слава богу! Наконец-то я у себя, – пробормотал он. – Теперь присутствие слуг не мешает мне больше осмотреть мои новые владения. Надеюсь, я скоро привыкну приказывать и сделаюсь настоящим набобом, роль которого должен играть.

Ральф обошел комнаты, осматривая вещи, которые все показались ему необыкновенно замечательными, а затем вернулся в кабинет. Здесь, на кресле у бюро, стояла шкатулка, которую он привез с собой. Пододвинув стул, он открыл ее и уже тщательнее, чем в первый раз, осмотрел заключавшиеся в ней вещи и бумаги.

Окончив этот осмотр, он хотел положить документы в бюро, но оно оказалось запертым. Тогда он увидел большой резной шкаф и тоже попытался открыть его, но тщетно.

Очень недовольный, он вернулся к бюро, как вдруг вспомнил, что видел в одном из отделений большого красного портфеля золотой ключик. Ральф поспешно достал его. Ключ не подошел к бюро, но к великому удовольствию доктора открыл шкаф старинной работы, с тонкой, как кружево, резьбой и с бесчисленным множеством ящичков и отделений всевозможной величины.

В среднем ящичке стояли две шкатулки и лежала связка ключей. Одна из шкатулок была наполнена золотом и банковыми билетами; другая – драгоценными вещами, как-то булавками для галстуков, запонками, брелоками и пр.

Затем Ральф приступил к осмотру других отделений ящичков. В одном из них он нашел часы всевозможных смен и стилей; в другом оказалась целая коллекция табакерок, сверкавших бриллиантами. Одно отделение, устроенное в виде особого шкафчика, было полно всевозможных пузырьков, а на внутренней стороне дверцы была сделана надпись «медицина». Наконец, целая половина шкафа была набита женскими сувенирами: драгоценностями, веерами, батистовыми кружевными платками, банками, сухими цветами и целой серией миниатюр, изображавших очаровательные женские головки.

Очевидно, все это были воспоминания долгой и полной волнений жизни Нарайяны.

Ральф запер шкаф и, вернувшись, сел перед бюро, которое открыл найденными ключами. В среднем ящичке он нашел нарочно положенную на виду толстую тетрадь в переплете. На белом листке бумаги, лежавшем на тетради, было написано размашистым и твердым почерком: «Прочесть моему наследнику».

Морган вздрогнул. Итак, этот человек думал о нем, даже не выдав его!

Охваченный глубоким волнением, Ральф перелистал тетрадь. Она содержала несколько глав, заголовки которых были написаны красными чернилами и носили следующие названия: «Магический круг», «Формула вызывания», «Круг духов», «Обитатели царства тишины» и пр. Морган остановился. Ему показалось, что холодный ветерок шевелит его волосы и чье-то ледяное дыхание касается щеки. Охваченный неприятным чувством, он захлопнул тетрадь и бросил ее обратно в ящик.

Позже, при дневном свете, он внимательно прочтет все это и рассмотрит письма и бумаги, хранившиеся в бюро, да, вероятно, и в других местах. В несколько часов невозможно сориентироваться в таком громадном наследстве, притом еще так неожиданно доставшемся.

Откинувшись на спинку кресла, Ральф отдался размышлениям. Он никак не мог еще привыкнуть к своему новому положению, оторвавшему его от скромной трудовой жизни и от его болезненного состояния. Без всякого труда и без всякой заслуги с его стороны явился какой-то незнакомец и, как сказочный волшебник, сделал из него, скромного доктора лечебницы для душевнобольных, – принца, миллионера, человека, полного здоровья и сил. и, что

невероятней всего, человека почти бессмертного. Конечный вопрос всякой жизни – *смерть*, эта верная и страшная спутница, но и освободительница в то же время, была устранена с его пути, если не навсегда, – так как Нарайяна ведь умер, – то во всяком случае на неопределенное время. Итак, смерть не будет подстерегать его, старость не сделает его слабым и дряхлым, а болезни не отравят ему радостей жизни.

Ральф быстро встал, подошел к зеркалу и стал рассматривать себя, как рассматривал бы постороннего. Человек, образ которого отражался в зеркале, мог быть доволен собой. Ральф не считал себя таким красивым. С детским наивным самодовольством он улыбнулся своему собственному отражению и провел рукой по своим густым, вьющимся волосам. Затем он снова опустился в кресло.

Теперь его мысль обратилась к таинственной женщине, доставшейся ему в наследство, как и все остальное. Взор его был устремлен на мастерски сделанный акварельный портрет Нары, стоявший на бюро в бархатной рамке. Она была изображена в бальном туалете. Оригинальная красота, демонический взгляд ее черных глаз были переданы с необыкновенной жизненностью.

И эта странная и обаятельная женщина будет принадлежать ему; как только кончится срок траура, она сделается перед людьми его законной женой. При этой мысли сердце его усиленно забилось и точно огонь пробежал по жилам.

Пробило четыре часа. Бой часов оторвал Моргана от его дум. Усталый душой, а не телом, он прошел в спальню и вскоре заснул глубоким сном.

Когда он проснулся, было уже поздно. С невыразимым наслаждением потянулся он на мягком ложе, блуждая взглядом по богатой и комфортабельной обстановке, окружавшей его. Вдруг пришли ему на память последние месяцы жизни в Лондоне, бессонные ночи, мучительный кашель и острая боль в сердце; вспомнилось ему, как он с беспокойством вскакивал с кровати, боясь опоздать на службу в клинику, и как возвращался домой, разбитый усталостью после длинного пути пешком или на трамвае. При мысли, что с этим прошлым навсегда покончено, вздох облегчения вырвался у него из груди.

Быстро приподнявшись с подушек, он нажал кнопку электрического звонка. Немедленно же явились два лакея и помогли ему одеться. Умываясь, Ральф размышлял о том, что у него нет платья на смену и что ему неприлично пользоваться гардеробом Нарайяны, если бы даже он и пришелся ему по росту, так как люди покойного набоба могли бы принять его за бедного родственника, явившегося Бог знает откуда.

Вследствие всех этих размышлений Ральф обратился к Грациозо, который представился в качестве первого камердинера, и сказал:

– Позовите сегодня же портного, одевавшего моего покойного брата. Телеграмма, призвавшая меня к его смертному одру, была так неожиданна, что я уехал налегке и должен заказать здесь себе новый гардероб. А пока дайте мне какое-нибудь платье Нарайяны: я посмотрю, можно ли мне надеть его.

Несколько минут спустя Морган убедился, что его предшественник обладал великолепным гардеробом, сшитым по последней моде, который точно был сделан для него.

Продолжая одеваться, Морган спрашивал себя, не сохранил ли Нарайяна также одежды римские, рыцарские и всех других веков, в которых он жил. В таком случае коллекция эта должна была быть очень интересна.

Он уже кончал одеваться, когда явился Джузеппе. Старик-управляющий осведомился, как его светлость провел ночь и в то же время сообщил ему, что ее светлость просит его пожаловать к завтраку, так как желает познакомить его со своими знакомыми, которые, узнав о постигшем ее горе, приехали выразить ей свое соболезнование.

Ральф тотчас же отправился на половину своей новой таинственной невестки и застал ее в обществе двух дам и трех мужчин. Все были, видимо, очень огорчены.

Нара тоже имела печальный и убитый вид. Она подала Моргану руку, а затем представила его присутствующим, принадлежавшим к венецианской знати.

– Позвольте, дорогие друзья мои, представить вам младшего брата моего бедного мужа! Он также носит имя Нарайяна Супрамати, только в отличие от покойного мы называем его одним последним именем.

Прием, оказанный наследнику покойного принца, был в высшей степени любезный. Все наперерыв уверяли его в своей дружбе, в высоком уважении и выражали горячее желание доказать ему свои добрые чувства. В этих вежливых уверениях сквозило такое искательство и угодливость, что Морган почувствовал в душе отвращение и с холодной сдержанностью принимал уверения своих новых знакомых.

Немного спустя все перешли в великолепную столовую, отделанную в древнем венецианском стиле, и отдали должную честь прекрасному завтраку. Моргану не пришлось занимать гостей, потому именно, что они занимались им. Зато он внутренне восторгался апломбом, с каким Нара импровизировала его биографию и описывала свои детские отношения с мнимым братом.

Молодая женщина рассказывала, что Супрамати, рожденный от второго брака, был гораздо моложе покойного Нарайяны, но что самая нежная дружба связывала братьев, хотя они и не виделись несколько лет, так как молодой принц путешествовал для своего удовольствия по всем странам света.

Удивление Ральфа достигло своего апогея, когда Нара предложила гостям самим убедиться в необыкновенном сходстве Супрамати с своим покойным братом. Когда же присутствующие согласились с этим, а дамы даже нашли в его глазах и улыбке поразительное подтверждение этого сходства, молодой человек чуть не рассмеялся и почувствовал отвращение. Очевидно, его собственная личность исчезала в ореоле представителя колоссального богатства, а низость людская, глухая и слепая пресмыкалась перед этой грудой золота.

Ральф невольно взглянул на Нару, стараясь проникнуть в глубину ее мысли, и с восхищением убедился, что несмотря на ее вздохи и жалобы, жгучие глаза молодой женщины смотрели на него с выражением, доказывавшим, что он очень нравится ей.

Когда все вернулись в гостиную и гости стали прощаться, Нара объявила им, что утром, на следующий день, она уезжает на несколько недель для устройства своих дел.

Наконец молодые люди остались одни. Морган последовал за своей новой невесткой на большой открытый балкон, откуда открывался вид на канал. Нара лениво раскинулась на низеньком диване и устремила взор на Моргана, молча облокотившегося на балюстраду.

– Дорогой мой Супрамати! Вы плохо входите в вашу роль и имеете немного дикий вид в этой новой для вас среде. Впрочем, я надеюсь, что ваша молчаливость будет приписана горю, которое вы испытываете вследствие потери такого близкого родственника, – чуть насмешливо заметила Нара.

– Это правда! Я чувствую себя, как во сне, – ответил Морган, проводя рукой по лбу. – Впрочем, – с улыбкой прибавил он, – если смерть брата делает меня молчаливым, то я убедился, что и ваше вдовье горе не глубже. Но шутки в сторону! Вы не оплакиваете Нарайяну и, по-видимому, несколько не жалеете его? Давно вы обвенчаны?

Нара рассмеялась тихим, пронзительным смехом, неприятно прозвучавшим в ушах Моргана.

– Достаточно долго, чтобы могли друг другу надоест. И в обыкновенной жизни слишком легкомысленный муж может опротиветь жене, но там для обоих вопрос решает смерть. Представьте же вы себе положение женщины, связанной с мужем, вечно молодым и полным сил, ревнивым, бесконечно требовательным, изменяющим и эгоистом! Подобный союз может загасить целый вулкан страстей и истощить терпение верблюда. И если обыкновенный муж обма-

нывает жену тысячи раз за 25—30 лет совместной жизни, прикиньте, какой перечень супружеских неверностей должен быть у «бессмертного»...

По мере того как Нара говорила, выражение грусти, презрения и невыразимого утомления туманило ее лицо. Сердце Моргана прониклось глубокой и искренней жалостью к этой новой спутнице его странной отныне судьбы, к этому таинственному наследию его благодетеля.

Наклонившись к Наре, Ральф схватил ее руку и страстно прошептал:

– Забудьте прошлое, Нара! В предстоящей нам долгой жизни я буду боготворить вас, буду любить вас одну и употреблю все силы, чтобы сделать вас счастливой.

Выражение глубокой грусти скользнуло по впечатлительному лицу Нары.

– Не клянитесь! – сказала она, качая головой. – Вы не сдержите ни одной клятвы. Не забывайте, что только лишь источник жизненных сил у нас другой, чем у всех смертных; во всем же остальном вы остаетесь таким же рабом человеческих слабостей, каким вы были раньше, за исключением разве того, что для наслаждений вы вооружены непоколебимым здоровьем, на которое не могут иметь влияния никакие излишества и страсти, да еще в придачу колоссальным богатством, позволяющим вам удовлетворять все ваши прихоти. Опасность же подобных условий жизни вы еще не испытали.

– Я понимаю, что вы сомневаетесь во мне, так как очень мало еще знаете меня. Неужели же это самое недоверие ко мне заставляет вас уехать из Венеции?

– Нет, светские приличия требуют, чтобы мы расстались. Время траура я хочу провести в уединении и, кстати, устроить свои дела. А вы привыкайте пока к своей новой жизни. Наследство Нарайяны хранит еще для вас всевозможные сюрпризы. Поработайте также над изучением, каким образом надо употреблять таинственные силы, которыми вы располагаете. Не убивайтесь, мой дорогой жених! – весело прибавила она. – Вы будете иметь от меня вести. Когда же срок моего траура кончится и я вернусь сюда, мы отпразднуем краткий миг упоения и забвения, обманывая себя насчет продолжительности нашего счастья и считая его таким же вечным, как и наша жизнь. Но что за дело до этого? В пустыне жизни не следует пренебрегать даже минутным блаженством.

Не давая времени Моргану ответить, Нара сделала прощальный знак рукой и ушла с балкона.

Глава третья

Остальной день и ночь миновали, не принеся с собой ничего особенного. Время шло в совещаниях с портным, в осмотре дворца и в скучнейшей беседе с Джузеппе Розати, который вручил ему расходные книги и счета и стал обсуждать различные вопросы, касающиеся управления.

На следующее утро Ральф отвез Нару на вокзал, но та не сказала ему, куда она едет. Печальный и расстроенный вернулся он во дворец, показавшийся ему пустым без нее.

После обеда Ральф ушел в свои апартаменты, запретив беспокоить себя, и занялся осмотром разных вещей в спальне, а также ящиков бюро.

В одном из них он нашел переплетенную тетрадь, листы которой были исписаны рукой Нарайяны.

Пробежав несколько страниц, Морган убедился, что это был дневник покойного, куда он заносил, сообразно являвшейся ему фантазии, случаи из жизни, различные заметки и пережитые впечатления. Последние страницы тетради были чисты. У Ральфа явилось желание прочесть, что последним записал этот странный человек.

«Есть ли более ужасная болезнь, чем пресыщение? – писал Нарайяна. – Пресыщение – это мрачная тоска, которая гонит вас с места на место, делает все для вас невыносимым и истощает ваше терпение».

«Один труд может убить время – этого ужасного гиганта, ужасного своим темным и неизвестным будущим, своим настоящим, вечно убегающим из-под ног, и своим прошлым, населенным неизгладимыми воспоминаниями».

«И все-таки самое ужасное – это настоящее, так как если я могу уединиться в прошедшее и унести в будущее, то в настоящем я всюду сталкиваюсь с людьми – этими точащими червями, которые своими ядовитыми укусами терзают душу, если не могут уничтожить тело».

«Отвратительная, низкая, продажная и неблагодарная толпа, льстящая и пресмыкающаяся перед богатым и топчущая ногами бедного, который не в состоянии платить ей за ее предательскую и лживую дружбу. О! Эта ложь, неуловимая, пропитавшая все существо этих презренных и жестоких людей, которые взаимно ненавидят друг друга, клеветают, разрывают друг друга на части или вырывают один у другого кусок хлеба и в то же время лицемерно обнимаются, купаясь в этой фальши, без которой не могут существовать. Горе тому, кто должен владеть жизнью с открытыми глазами, свободный от всяких иллюзий, видя всюду в семьях, между супругами, родными и друзьями отвратительное гримасничанье лжи и понимать всю пошлость, лукавство, посредственность и злобу людскую, а между тем вынужден молчать, так как кто же понял бы его?»

«Бедный бессмертный! В ужасном одиночестве твоего аномального существования, чтобы бежать от самого себя, ты бросаешься добровольно в эту толпу, стремишься вкусить все ее бедствия, готовый даже быть обманутым и преданным, лишь бы только не быть одному; так как даже любовь – этот великий двигатель, поддерживающий людей в их мимолетной жизненной борьбе, – становится беспощадным палачом для вечного путника. Сама смерть насмешливо кричит ему: ради безграничной жизни неси на мой жертвенник все, что ты любишь!»

«Я знаю, что могу презирать смерть и что обладаю средством, при помощи которого могу, когда захочу, вырывать у нее ее жертвы, а между тем я не пользуюсь этим. Я не смею осудить другое существо на ту муку, какую чувствую сам! То, что я считал блаженством, оказалось невыносимым бременем. У меня нет больше желаний, нет надежд, я не борюсь больше ради священной цели, и человечество для меня – мертвая буква».

«Да что такое для меня человечество? Эфемерная толпа, являющаяся из неизвестной колыбели, вихрем проносящаяся мимо и погружающаяся затем в таинственное небытие, где никогда недостатка в месте не бывает».

«И вечно одна и та же картина! Миллионы людей рождаются, борются, страдают, после этой краткой и жалкой жизни исчезают, ничего не сделав. Если усилия миллионов людей не дают ничего, то что может сделать один несчастный, который не двигается вперед, а стоит на одном месте в этой гостинице, которую другие быстро проходят, стараясь вырвать у преследуемого ими призрака „счастья“ какой-нибудь клочок наслаждения».

«Картина отвратительная, особенно для того, кто, оторванный от обычных законов, с птичьего полета наблюдает кишачий у его ног хаос несправедливости и беспорядка, не будучи в состоянии уловить исконный смысл глумливо лукавого „случая“, осуждающего гения и талант на прозябание в неизвестности и смерть с голоду в трущобе, тогда как бездарность и невежество, надутое гордостью и тщеславием, взбираются на триумфальную колесницу, управляют умами народов, увеличивают беспорядок и создают кровавые сатурналии, где глохнут и гибнут невинные и полезные существа, которых справедливость, если бы она существовала, должна была бы выдвинуть вперед, чтобы они несли в мир свет, тепло и мудрость. И ни одна из жертв не стряхнет с себя могильный прах, чтобы крикнуть управляющему миром адскому ареопагу: „Мщение!“ И действительно, великое счастье, что люди, терзаемые голодным желудком и гонимые вперед бичом нужды, не имеют времени задуматься над смыслом вещей и над таинственными причинами их бедствий».

«Измученное, задыхающееся и обезумевшее от борьбы человечество не имеет времени рассуждать и возмущаться. Оно стремится к могиле, породив новое поколение, такое же несчастное и угнетенное, как их отцы и деды»

«О! Как все это мне опротивело и как я устал; как я желал бы избавиться от цепей, приковывающих меня к телу. Смерть-освободительница, непонятный друг! Я жажду отдохнуть в твоих объятиях, я хочу быть свободным!...»

Бледный, с влажным лбом, читал Морган эти строки, очевидно, написанные в разное время, под впечатлением минуты, и строки эти ясно обрисовывали состояние души этого человека, все видевшего, все испробовавшего и все испытывавшего. Необыкновенный случай, казалось, гарантировал его от всех человеческих бедствий, а он, подавленный пресыщением, жаждал одного только разрушения...

– Неужели и для меня настанет когда-нибудь такой же час?

– с тоской спросил себя доктор. – Нет! Это невозможно. Жизнь – это самый драгоценный дар, и старец, наставлявший меня в галерее предков, был прав, говоря, что даже вечность не покажется слишком длинной тому, кто сумеет наполнить ее трудом и делами милосердия. Я не стану философствовать над несчастиями человечества, а буду стараться помочь ему, – закончил он свой монолог.

Поглощенный своими мыслями, Ральф даже не заметил, как за ним открылась дверь, и в кабинет вошел высокий человек, закутанный в черный плащ, с маской на лице. Только когда незнакомец положил ему руку на плечо, он вскочил и с удивлением посмотрел на странного посетителя.

– Не бойтесь, преемник Нарайяны Супрамати! – сказал незнакомец глубоким голосом. – Вы должны следовать за мной, и ваше отсутствие продлится всего несколько дней, но оно необходимо.

– Я готов следовать за вами! Я знаю, что вступил в магический круг, обвинивший меня подобно змее и возложивший на меня обязанности, от которых я не могу уклоняться, – спокойно ответил Морган. – Впрочем, мне нечего бояться смерти и я могу без всякой опасности следовать за вами, – прибавил он с легкой улыбкой.

– Хорошо! Сделайте необходимые распоряжения и приходите ко мне: я буду ждать вас в гондоле у большой лестницы. Не забудьте надеть кольцо, которое вы нашли в портфеле.

Как только он ушел, Ральф позвонил. Явившемуся на звонок слуге он приказал уложить в маленький чемодан самые необходимые вещи и велел позвать Джузеппе, объявив, что уезжает на две недели. Затем, надев на палец древнее кольцо и сунув в карман туго набитый бумажник, он вышел из комнаты.

Спустилась уже ночь. Несмотря на свет, освещавший подъезд, качавшаяся на воде гондола тонула во мраке.

На корме стоял гребец, а в каюте с полуопущенными занавесями сидел незнакомец. Морган поставил на скамейку чемодан и сел рядом с незнакомцем. Гондола немедленно же двинулась в путь и быстро скользнула по темным водам канала.

Человек в маске молчал. Морган со своей стороны предположил, что и ему следует делать то же. Он прислонился к подушкам и задумался. Мало-помалу им стала овладевать тяжелая сонливость, и он закрыл глаза.

Он сам не мог сказать, сколько времени провел он в таком забытии. Его привел в себя голос замаскированного человека. Ральф быстро выпрямился и был неприятно удивлен. Несмотря на глубокую тьму безлунной ночи, он увидел, что они находятся в открытом море и что гондола пристала к кораблю: высокие мачты и распущенные паруса смутно вырисовывались во мраке.

– Входите! – сказал незнакомец. Морган взошел на палубу, и тягостное чувство охватывало его все больше и больше.

Парусное судно, на котором он очутился, было очень древнего типа. На корабле не видно было ни матросов, ни пассажиров, и только один дымящийся факел освещал красноватым светом вход в каюты.

Повинуясь молчаливому указанию своего проводника, Ральф спустился за ним по лестнице и оба очутились в богато, но странно меблированной каюте. Здесь были собраны самые разнообразные и разнородные предметы. Посредине каюты стоял стол, в изобилии уставленный вином и холодной дичью. Восковые свечи в маленьком золотом канделябре освещали дорожную посуду, которая, казалось, тоже была собрана случайно, как и все остальное.

Сбросив на стул плащ и шляпу, незнакомец снял маску. Морган увидел теперь, что это был высокий и стройный мужчина лет тридцати. Красивое и правильное лицо его было смертельно бледно, что еще резче оттенялось его черными, как вороново крыло, кудрявыми волосами и такой же бородой. Выражение черных, широко открытых глаз бросало в дрожь, а в углах рта залегла горькая и суровая складка.

Несмотря на несомненную красоту этого человека, от него веяло чем-то мрачным, полным отчаяния, и Ральф почувствовал, как невольная дрожь суеверного ужаса пробежала по его телу.

Вдруг Ральф вздрогнул. На тонкой и выхоленной, но бледно-мертвенной руке незнакомца он увидел совершенно такой же перстень, как и у него, только вместо рубина в нем сверкал сапфир.

Костюм незнакомца тоже относился к другому веку. На нем был черный бархатный камзол, широкий кружевной воротник и высокие сапоги. Кинжал с инкрустированной рукояткой торчал из-за широкого черного опоясывавшего его кушака.

– Добро пожаловать, брат мой! Садитесь, – сказал незнакомец, подавая руку Моргану.

Тот пожал ее и не успел он задать вопрос, вертевшийся у него на губах, как поднялась тяжелая шерстяная занавесь, и на пороге смежной небольшой каюты появилось еще более странное лицо.

Вошедший был старик, по крайней мере, лет восьмидесяти, судя по массе морщин, покрывавших его лицо, белая борода его спускалась до самого пояса. Орлиный нос и пронизывающий взгляд черных глаз придавали ему сходство с хищной птицей.

Старик этот носил одежду странника из черной шерстяной материи; ноги его были обуты в сандалии, а голова покрыта небольшой шелковой ермолкой. Стан его был сгорблен; в руках он держал узловатую, почерневшую от времени палку, а на морщинистой руке его было надето золотое кольцо, такое же, как у других двух, только украшенное изумрудом.

– Привет тебе, младший брат наш! Добро пожаловать, Нарайяна Супрамати! – сказал он, пожимая руку Моргана.

– Приветствую и я вас, братья, – отвечал тот, кланяясь.

По виду одинаковых колец Морган понял, что он находится среди членов таинственного братства, членом которого он сделался, сам того не подозревая. К тому же, в глазах его собеседников горел такой же странный огонь, как и в глазах человека, посвятившего его.

После краткого разговора на каком-то непонятном для Ральфа языке все сели за стол. Младший незнакомец, казавшийся здесь хозяином, наполнив кубки вином, предложил своим гостям закусить и выпить.

Сначала все молча выпили и подкрепились пищей. Затем Морган поднял свой кубок и сказал:

– Я пью этот кубок за ваше здоровье, братья, и прошу вас благосклонно принять вопрос, который хочу вам задать.

– Говорите! – ответили оба разом.

– Вы меня знаете, так как назвали по имени, – продолжал Ральф, – я же нахожусь в полном неведении о тех, с кем я имею честь разговаривать. Но я чувствую, что вы – моя новая родня, существа, попавшие в такие же условия жизни, как и я, с которыми меня связывают таинственные узы, так как в ваших глазах горит такое же пламя, как и в глазах покойного Нарайяны.

– Ты прав, мой брат: мы составляем одну семью. Какое бы расстояние нас ни разделяло, мы соединены таинственными связями, – ответил старик. – Ты имеешь право знать наши имена, но не пугайся, если они покажутся странными. Ты, вероятно, слыхал имя Агасфера?

– Агасфер! Это имя легенда дает, кажется, Вечному Жиду! – пробормотал пораженный Морган.

– В легенде всегда таится правда, искаженная воображением людей, которую время все более и более дополняет и извращает, – заметил старик. – Вечный Жид – это я, а он, – Агасфер указал на мрачного собеседника, который задумчиво облокотился на стол, – тоже герой легенды, капитан призрачного корабля, предвещающего гибель встречным судам. Это – Блуждающий голландец, как называют его моряки.

Морган невольно поднялся и с ужасом смотрел на обоих. Он думал, что эти легендарные личности были созданы только народной фантазией, а теперь, оказывалось, он сидел с ними за одним столом, если только это не были, так сказать, псевдонимы, скрывающие их настоящие личности, как он сам скрывался под именем Нарайяны Супрамати. Если же старик говорил правду, то именно такими должны были быть призраки, пугавшие мир. Стоило только взглянуть на них, и сразу можно было понять, что это были необыкновенные люди.

– Мы не призраки, мы дети рока и такие же люди, как и ты, а потому ты не должен бояться, – заметил тот, которого называли Блуждающим голландцем.

Морган устыдился своего страха и сказал, отирая выступивший пот:

– Простите, братья мои, мой смешной страх ввиду того странного и тягостного состояния души, в котором я нахожусь. Поставьте себя на мое место и представьте себе чувства человека нашего неверующего времени, доктора, признанного скептика, неожиданно попавшего в такую

странную среду. Он невольно спрашивает себя, что с ним: пьян ли он, с ума сошел или стал жертвой кошмара либо галлюцинации?

Морган сжал голову обеими руками.

– Поэтому не сердитесь же на меня, если я вас спрошу, действительно ли вы – те люди, чьи имена носите? Например, вы, Агасфер, – неужели вы тот самый человек, которого проклял Христос, если только такой человек когда-нибудь существовал?

– Да, я – Агасфер. Я видел и знал Христа, но он не проклинал меня, так как этот Божественный носитель доброты Отца Небесного умел только благословлять и прощать. Другая причина заставила меня странствовать.

– Но тогда где же вы живете? – спросил Морган, побледнев от волнения.

– Я нигде не живу. Весь мир принадлежит мне. Опираясь на эту палку, обутый в сандалии, я каждый век семь раз обхожу всю планету, всегда возвращаясь к пункту своего отправления. Небо – моя кровля, земля – моя постель, а растения – моя пища! Я отдыхаю только у «посвященных» каждые десять лет в течение трех дней и трех ночей. Мне ничего не нужно. Я бегу от времени, а оно преследует меня, – окончил мрачно старик и облокотился на стол.

Глубокая складка прорезала его морщинистый лоб, а на губах появилось горькое выражение.

После минутного тягостного молчания старик встал, осушил кубок вина и, кивнув головой молодым людям, удалился обратно в маленькую каюту, откуда пришел. Морган чувствовал себя подавленным и нерешительно глядел на оставшегося собеседника. Несмотря на ужасную бледность и страшный взгляд черных глаз, голландец был ему гораздо симпатичней зловещего Агасфера. Ему очень хотелось спросить его, справедлива ли легенда, делавшая его и его корабль предвестниками смерти. Как бы услышав мысль Ральфа, тот поднял голову и сказал звучным голосом:

– Позже я вам расскажу, почему море стало моим поприщем, волны – моим отечеством, а этот корабль – моим жилищем, где я живу среди книг и моих воспоминаний. Я вам объясню также, почему я появляюсь тем, кто осужден на смерть.

– И вы вечно плаваете один на этом корабле? – спросил Морган.

– Иногда я схожу на землю, чтобы насладиться минутами мимолетной любви, и это вносит разнообразие в мою мрачную, монотонную жизнь; но твердая земля не выносит меня больше трех дней и трех ночей. А теперь скажите, по какому случаю вы сделались *нашим* и счастливы ли вы, получив драгоценный дар, вырвавший вас из условий обыденной жизни?

– Я испытал пока еще только один дар – возрожденное здоровье.

И Ральф в нескольких словах рассказал свою прошлую жизнь, а затем продолжал:

– Я умирал от чахотки и, чувствуя приближение разрушения тела, искал способ проникнуть в тайну загробного существования. Моя душа чувствовала тайны и загадки, скрывающиеся за грубой завесой невежества, в котором прозябает человек. Как доктор-психиатр я видел, что в больных, которых я не умел вылечить, совершается какая-то таинственная работа. Тело их было здорово; страдало же в них *что-то* невидимое, неуловимое. И вот именно эти скрытые силы и этот оккультный мир, со всех сторон окружающий человека и проявляющийся под самыми странными формами, неудержимо привлекал меня к себе. Боясь неизвестной бездны, в которую ввергает нас смерть, я жаждал знать путь, по которому следует душа, страстно хотел знать, переживает ли она тело. Но я был один со своими сомнениями, боязнью и изысканиями. Как доктору мне стыдно было сознаться перед своими неверующими товарищами, что я ищю неосознаваемую божественную искру, ускользающую от скальпеля. Узнал ли Нарайяна, благодаря ясновидению, которым, казалось, обладал, о моих усилиях, страданиях и стремлении помочь ближним? Но только он выбрал меня из всех и сделал мне драгоценный и ужасный дар безграничной жизни. Впрочем, это только мое предположение; истинной причины, побудившей Нарайяну избрать меня, а не кого-нибудь другого, более достойного, я не знаю.

– Может быть, узы прошлого соединяли вас с Нарайяной: узы, создаваемые любовью в прошлых существованиях, бывают очень крепки и их трудно разрушить, – заметил голландец. – Однако, не желаете ли вы отдохнуть?

Морган покачал головой.

– Разнообразие впечатлений, вынесенных мною сегодня, прогнало всякий сон. Если вы сами не утомлены и мое общество вам не надоело, то я просил бы вас остаться и побеседовать со мной. Признаюсь вам, мне очень хотелось бы узнать вашу настоящую историю. Кроме того, меня интересует, зачем вы привезли меня на ваш корабль и познакомили с Агасфером, а также куда мы направляемся?

– Мы направляемся в главную резиденцию нашего братства, чтобы отпраздновать одно из торжественных вековых наших собраний. Там, в этом таинственном святилище находится кубок Грааля.

– Как? – *Грааль* существует? – с недоверчивой улыбкой спросил Морган.

– Мы же ведь существуем – почему же не может существовать кубок, один вид которого, по преданию, дает бессмертие? Название ничего не значит, – серьезным тоном ответил голландец. – Теперь же, если это вас так интересует, я расскажу вам свою историю, откинув покров, которым окутала ее легенда.

В конце пятнадцатого века я родился от известного пирата, приобретшего своими грабежами весьма значительное состояние. Мой отец по происхождению был голландец. Это был человек суровый, кровожадный, алчный, но прекрасный моряк. Я рос на отцовском корабле, где с детства приучался к ремеслу пирата. Мне минуло двадцать лет, когда отец был убит во время абордажа большой испанской галеры, и я наследовал от него командование кораблем.

Скоро я приобрел себе славу гораздо большую, чем мой покойный отец. Все мои предприятия заканчивались успешно. Быстрота, с какою я маневрировал и появлялся там, где меня меньше всего ожидали, окружила мою особу и мой корабль сверхъестественным ореолом, который и послужил, без сомнения, основанием для моей будущей известности. Меня подозревали в сношениях с дьяволом. Хотя я и не был человеком, способным познакомиться с властителем ада, но мои матросы по своей дикости, безумной отваге и кровожадным наклонностям, вполне могли быть сочтены за адских духов.

Однажды, когда я бороздил Северное море, часовой заметил большое коммерческое судно, державшее, очевидно, долгий курс, а следовательно, и богато нагруженное. Я тотчас же отдал приказ преследовать его. Галера тоже увидела нас и пыталась уйти на всех парусах. Как и следовало ожидать, эти усилия оказались напрасными. Мое быстроходное судно живо догнало добычу, и мы бросились на абордаж. Завязалась жаркая битва, так как на борту галеры оказались вооруженные люди; тем не менее отчаянная смелость моих людей принесла нам победу.

Подавая пример своим матросам, я первый вскочил на палубу, и мой абордажный топор производил страшное опустошение среди защитников корабля. Увлеченный битвой и весь залитый кровью, я бросился в одну из кают, где нашел старика и молодую девушку, почти лишившуюся чувств от страха. Может быть, я довольствовался бы тем, что взял бы в плен старика, если бы он не вздумал драться и не ранил бы меня в плечо своей шпагой.

Опьянев от бешенства, я ударом топора размозжил ему голову.

Когда он упал, молодая девушка с отчаянным криком бросилась к нему. Тогда только я увидел, что это было самое очаровательное создание, какое я когда-либо видел, белое и нежное, как фея, с сапфировыми глазами и белокуроыми, как золото, волосами. Сердце мое тотчас же воспламенилось.

– Не бойся, прекрасное дитя! Ни один волос не упадет с твоей головы! – вскричал я.

Чтобы обезопасить ее от случайностей битвы и от грубости моих матросов, я решил тотчас же перенести ее на свое собственное судно.

Когда я поднимал ее на руки, она отбивалась, как сумасшедшая; а затем лишилась чувств. В бессознательном состоянии я отнес ее в свою каюту и запер там.

Между тем битва кончилась полной победой моих людей, и я мог приступить к осмотру добычи. Добыча оказалась громадной. От одного из раненых матросов поврежденного экипажа я узнал, что галера эта принадлежала одному из самых богатых купцов ганзейского города Любека. Купец этот отправился в Венецию вместе со своей дочерью, невестой одного итальянского синьора. На борту корабля находилось также роскошное приданое молодой девушки.

Прошло несколько часов, пока мы окончили осмотр и дележ добычи, а также перегрузку на наше судно сундуков, ящиков, тюков и прочих вещей. Я уже готовился уйти с галеры, решив потопить ее вместе с пленниками, которых приканчивали мои люди, как вдруг на залитой кровью палубе появился старик в одежде странника.

Мы были крайне удивлены, так как нигде не видели его раньше. Очевидно, он ехал в качестве пассажира и во время битвы где-нибудь прятался. Старик подошел ко мне, и, устремив на меня странно пылающий взгляд, сказал:

– Не окажешь ли ты мне, капитан, гостеприимство на твоём корабле?

Я не отличался мягким сердцем, но этот старик, не знаю почему, внушил мне какое-то странное уважение к себе. Кроме того, своей белой бородой и орлиным носом он напоминал мне моего отца, которого я очень любил. Да и что мог значить один человек против шестидесяти таких молодцов, как мои матросы? Я сделал знак согласия и благосклонно ответил:

– Добро пожаловать на борт моего судна, почтенный старец! Я найду, где поместить тебя, и у меня найдется достаточно хлеба и вина, чтобы прокормить тебя. Если же наше кровавое дело противно тебе, то мы высадим тебя на берег при первом же удобном случае.

Старик поблагодарил меня, и я поместил его в той же самой каюте, которую занимает теперь Агасфер.

Чтобы отдохнуть от утомительного дня, я приказал устроить большой пир. Мы захватили столько вина и всякой снеди, что угощение вышло грандиозное.

Для себя, моего помощника и старика я приказал поставить отдельный стол; пираты же пировали на палубе, где кому больше нравилось.

Я был в самом лучшем настроении духа, смеялся, шутил со странником и поздравлял его со счастливым избавлением от резни. Он улыбнулся и ответил, что не боится смерти. Я возразил, что я не боюсь смерти, и мы с помощником наперерыв хвалились нашими подвигами.

По мере того как я выпивал кубок за кубком, моя кровь начинала разгораться. Красавица-невеста, захваченная в плен, стала казаться мне все обольстительней, и мною овладело пылкое желание обладать ею.

Я встал и ушел в свою каюту. Молодая девушка уже очнулась от обморока и сидела, закрыв лицо руками. При моем появлении она встала и устремила на меня пылающий взор.

Я сел рядом с ней, пытался утешать и, наконец, объявил, что люблю ее, оставлю у себя и заставлю разделить с нами нашу веселую и полную приключений жизнь.

Девушка молча слушала меня, и только губы ее нервно вздрагивали. Она не оказала даже никакого сопротивления, когда я поцеловал ее.

Довольный такой покорностью и желая еще более смягчить молодую девушку, я сходил за большой шкатулкой с драгоценностями и подарил ее ей.

Молодая девушка с лихорадочной поспешностью открыла шкатулку и стала рыться в ней. Вдруг лихорадочный румянец разлился по ее щекам. Я подумал, что для женщины ничего нет дороже на свете драгоценностей и едва сдержал желание рассмеяться. Затем я приказал своей красавице-пленнице нарядиться и принять участие в нашем пире.

Сначала она побледнела и мрачный огонек вспыхнул к ее сапфировым глазкам. Тем не менее, минуто спустя, она глухо ответила:

– Прикажи принести мне мои одежды, так как эти вся в крови, – и я приду к тебе.

Я исполнил ее желание, и действительно, полчаса спустя она вышла на палубу, разодетая, как царица.

На ней было надето белое, расшитое золотом платье и пояс, усыпанный жемчугом и бриллиантами. На голове ее сверкала бриллиантовая диадема.

Я был поражен. Никогда еще не видел я такой божественно прекрасной женщины. Но что положительно очаровывало меня, так это ее распущенные волосы, которые блестящим плащом окутывали ее почти до колен.

Я посадил ее рядом с собой, обнял за талию и предложил выпить вина. Молодая девушка приняла кубок и казалась веселой. Она сама наливала мне вино и без видимого отвращения принимала мои ласки.

Вакханалия достигла своего апогея, когда Лора – так звали молодую девушку – встала и, наклонившись над только что принесенной большой амфорой вина, сказала:

– Мне хотелось бы угостить этих храбрых моряков, так громко кричащих в нашу честь. Позволь мне самой налить им стаканы? Право, они заслужили сегодня твою благодарность, и ты мог бы оказать им такую милость.

– Делай как знаешь, моя красавица! Конечно, я не откажу тебе в твоей первой просьбе. Угощай на здоровье моих молодцов!

Я позвал одного из пиратов и приказал ему нести амфору за Лорой. Та сама наполнила все кубки и предложила матросам выпить за ее здоровье.

Когда Лора вернулась к столу, она была бледней своего платья и падала, казалось, от слабости. Я с тревогой спросил ее, не устала ли она; но она покачала головой и ответила со странной улыбкой:

– О, нет! Пир еще только начинается.

В эту минуту своими полуоткрытыми губами, отрывистым дыханием, поднимавшим девственно прекрасную грудь, и зловещим и пожирающим пламенем, горевшим в ее глазах, она окончательно очаровала меня.

Обезумев от страсти, я схватил ее в свои объятия и унес в каюту, поручив командование кораблем своему помощнику; что же касается странника, то он уже давно ушел, сославшись на усталость.

Прошло около часа, как вдруг ужасные крики и шум на палубе оторвали меня от моего любовного бреда.

Я тотчас же отрезвел и бросился наверх. Представившееся моим глазам зрелище заставило меня положительно окаменеть.

Мои матросы, точно охваченные внезапным безумием, катались по палубе, рычали, как дикие звери, и изрыгали зеленоватую пену. Некоторые лежали неподвижно, с почерневшими лицами и казались мертвыми.

В эту минуту мой помощник приподнялся на локте и вскричал, поднимая руку, сжатую в кулак:

– Проклятая!... Она отравила нас...

Он тоже из любезности просил Лору налить ему вина и осушил кубок за ее здоровье.

Я понял, что он прав, и мною овладела безумная ярость против этой женщины, которая дьявольски отомстила мне, лишив меня сразу всех моих верных товарищей.

Я хотел выхватить кинжал, всегда находившийся у меня за поясом, но его там не оказалось. В ту же минуту я почувствовал сильный удар в бок и услышал чей-то шипящий голос:

– Умри, убийца, и будь проклят! Пусть твоя проклятая душа вечно блуждает по этим водам и нигде не найдет себе покоя!

Я обернулся и увидел Лору. Лицо ее пылало; взор горел дикой ненавистью. Она держала мой кинжал, а руки и платье ее были залиты моей кровью.

Я поднял кулак, чтобы ударить ее, но рука моя бессильно опустилась и я, охваченный внезапной слабостью, упал на палубу. В глазах у меня потемнело. Как сквозь покрывало видел я, что

Лора подняла кинжал и вонзила его себе в грудь. Затем я потерял сознание.

Свежее веяние, коснувшееся моего лица, заставило меня открыть глаза, и я увидел странника, стоявшего около меня на коленях. Огненный взгляд его, казалось, пронизывал меня. Вдруг он пробормотал дрожащим голосом:

– Хочешь ты жить – жить *очень* долго? Не будешь ты проклинать меня за это? Тогда я спасу тебя.

Я чувствовал, что умираю, и с почти нечеловеческим усилием пробормотал:

– Спаси меня – и я буду благословлять тебя!

Тогда Агасфер, так как этот странник был он, вынул из кармана маленький флакон, наполненный бесцветной жидкостью, приподнял мою голову и вылил мне в рот содержимое флакона.

Мне показалось, что я проглотил огонь, все пылало но мне. Затем меня оглушило точно ударом молнии.

Когда я открыл глаза, то лежал на своей кровати. В нескольких шагах от меня, у стола, сидел странник и читал длинный свиток пергамента.

Я чувствовал себя свежим, сильным и здоровым, как всегда. Вместе с сознанием ко мне вернулась и память. При воспоминании об ужасной смерти моих верных товарищей с моих губ сорвался хриплый вздох и отвратительное ругательство.

Пилигрим тотчас же встал, подошел ко мне и строго сказал:

– Зачем ты проклятием встречаешь свое чудесное исцеление? Будь признателен Небу, брат мой, за то, что чувствуешь себя сильным и здоровым. Взгляни на единственный след после ужасной ночи.

Он откинул рубашку, и я увидел у себя на боку широкую кроваво-красную рану, затянутую тонкой и прозрачной, как стекло, кожей.

– И этот знак долго был заметен? – с любопытством спросил Морган.

– Он виден по сию пору, хотя с тех пор прошло более трех веков, – ответил голландец.

С этими словами он расстегнул свое платье, откинул рубашку и показал Ральфу странный знак, действительно похожий на свежую рану, закрытую прозрачным, напоминавшим кожу пластырем.

– Вид этого странного знака произвел в то время на меня страшно тяжелое впечатление, и я почувствовал внутреннюю слабость.

Тогда пилигрим положил мне на плечо руку и сказал:

– Этот кровавый знак должен вечно напоминать тебе, что ты никогда больше не должен браться за оружие для убийства ближнего. Довольно крови и преступлений! Начиная с сегодняшнего дня, ты перестаешь быть обыкновенным человеком. Ты переступил таинственную грань, делающую всякую человеческую жизнь кратковременной. Тебя ожидает безграничная жизнь. Но, чтобы сделаться достойным ее, откажись от своего прошлого; раскаянием и молитвой должен ты изгладить следы совершенных тобой преступлений. Тебе уже не нужно больше жить грабежами и убийствами, так как я дам тебе богатство, а потом отвезу в одно место, где ты будешь принят в число членов мистического и таинственного братства.

По мере того как он говорил, мною начала овладевать глубокая грусть. Мое прошлое, полное приключений, сразу побледнело, и я со смутным предчувствием жаждал чего-то нового и неизвестного.

– Я исполню все, что ты приказываешь, могущественный учитель, повелевающий смертью! – сказал я, опустив голову.

Затем я встал, оделся и выразил желание подняться на палубу. Пилигрим согласился, и мы поднялись по лестнице. Отвратительная и зловещая картина палубы, освещенной дымящимися факелами, наполнила мою душу ужасом и отчаянием.

Все мои матросы были мертвы и валялись вперемешку; на почерневших и искаженных лицах их застыло выражение ужасных мук агонии. Еще вчера все эти смелые молодцы толпились вокруг меня, полные жизни и мужества, а сегодня от них остались одни почерневшие и раздутые трупы! С трудом подавив бушевавшую во мне ярость, я сказал стоявшему рядом со мной старцу:

– Надо выбросить тела в море и вычистить палубу. Я наклонился и хотел взять один из трупов, чтобы выбросить его за борт, но Агасфер удержал мою руку.

– Оставь и не марай себя прикосновением к этим нечистым телам! Дождемся наступления ночи – и тогда все сделается само собою. Гляди, наступает уже день. Сойдем же в каюту, так как этот день мы должны посвятить приготовлениям к новым условиям твоей жизни.

Мы вернулись в каюту. Странник приказал мне собрать и вынести из нее все лишние вещи. Затем он завесил окна плотной материей, совершенно не пропускавшей света, и зажег восковую свечу, стоящую в углу на маленьком столике.

Покончив с этими приготовлениями, он приказал мне стать на колени посреди каюты, а сам очертил сначала в воздухе, а потом на полу круги, в которые мы оба были заключены.

Я с удивлением увидел, что из его палки исходил сноп огненных лучей, который, подобно сверкающей ленте, держался в воздухе. На полу же маленькими языками пылало пламя.

Затем старик вынул из-за пояса небольшой сверток, содержащий четырехугольный кусок красной материи и сероватый шар, сделанный из неизвестного мне вещества. Положив мне на голову матерью и шар, он приказал мне молиться. Но молиться я не умел, так как те молитвы, которым научила меня моя покойная мать, когда я был еще малым ребенком, я совершенно позабыл, а моя последующая дикая и преступная жизнь сделала меня атеистом.

Когда я признался в своем невежестве, странник начал читать слова, которые я должен был повторять за ним и которые позже выучил наизусть. В этой молитве я умолял Всемогущего умилосердиться над моими злодеяниями.

По мере того как я тогда в первый раз читал эту молитву, я чувствовал во всем теле ужасную боль; можно было подумать, что кинжалы со всех сторон пронизывали мое тело. Потом эта физическая боль исчезла в таком ужасе, какого я – смелый пират – никогда еще не испытывал в своей жизни.

За огненным кругом, окружавшим меня с пилигримом, стали появляться бледные, залитые кровью существа с искаженными лицами. Кровь застыла у меня в жилах, когда я узнал в них убитых мною людей!

Толпа моих жертв все росла, но странник, по-видимому, не обращал на них никакого внимания. Он размеренным ритмом произносил слова на каком-то неизвестном языке. Вдруг в воздухе появилась белоснежная чаша. Чаша эта, подобно сверкающему облаку, носилась над нашими головами, и над нею виднелся широкий золотой крест. Все виденье было окружено разноцветным пламенем.

Впрочем, тогда я видел это как во сне. Все мое внимание было сосредоточено на отвратительной стае, которая со всех сторон подползала ко мне, намереваясь схватить меня. Фосфоресцирующие глаза призраков горели дикою ненавистью; ужасные богохульства и проклятия звучали в моих ушах, а длинные руки с крючковатыми пальцами готовы были, казалось, схватить меня.

Что я претерпел в этот ужасный час, не поддается никакому описанию. Это была сплошная агония! Смело могу сказать, что тогда я последовательно пережил все смерти, причиненные мной.

Подавленный, обезумевший от ужаса, цеплялся я за платье Агасфера, который громовым голосом заклинал страждущие тени, указывая им на крест и говоря о прощении.

Мало-помалу часть призраков побледнела и исчезла и темноте, но наиболее злобные из них продолжали кричать:

– Око за око, зуб за зуб! Пусть он страдает! Да будет он проклят, проклят! Пусть он, не зная отдыха, блуждает по водам, которые осквернил своими преступлениями! Пусть, ненавидимый и прокливаемый, носится он по волнам нашей крови!

Наконец исчезли и последние духи-мстители, а я, разбитый, бессильно опустился к ногам старца. Но отдых был непродолжителен, так как я внезапно почувствовал, что какая-то странная и болезненная вибрация сотрясает все мое существо. С новым ужасом я увидел, как со свистом и стоном стал выходить из моего тела красный, влажный, клейкий и зловонный пот. Дыхание у меня перехватило, и я упал как мертвый.

Когда я пришел в себя, чаша и огненные круги уже исчезли. Около меня стоял на коленях Агасфер и вытирал мне руки, лицо и грудь мокрым полотенцем. Потом он помог мне встать и лечь в кровать.

– Я отчасти очистил тебя и заставил выйти из тебя флюид совершенных тобой преступлений, но мне не дано было снять с тебя проклятий твоих жертв и ненависть, которую ты внушил им. Твои враги будут преследовать тебя. А ты молись и кайся – и, может быть, совершится твое полное освобождение. Теперь спи и отдыхай! Этой ночью нам предстоит еще исполнить тяжелый долг.

Я был до такой степени утомлен, что тотчас же заснул глубоким сном. Меня разбудили пронзительные зловещие и протяжные звуки колокола, как бы звонившего к погребению.

Обливаясь холодным потом, с трепещущим сердцем, я поднялся с кровати. Но нет! Это был не сон. Колокол действительно звонил, перекрывая шум бури, разыгравшейся за время моего сна. Ветер свистал в снастях, сгибая мачты и заставляя трещать корпус корабля. Вдали гремел гром.

Я с беспокойством вскочил с кровати. Что с нами будет? Как мы будем маневрировать без экипажа? Приход Агасфера прервал мои размышления.

– Иди за мной! Нам надо похоронить твоих пиратов, – сказал он.

Я машинально последовал за ним. Спустилась черная ночь, и только блеск молний освещал по временам груды трупов на палубе и бушующее море.

Я никогда еще не видал подобной бури. Свист ветра почти покрывал раскаты грома и рев волн, которые, вздымаясь, как горы, ежеминутно готовы были поглотить наш корабль как ореховую скорлупу, подкидываемую их пенистыми гребнями. И все-таки мы шли на всех парусах.

К довершению ужаса на палубе над трупами бегали блуждающие огоньки, а высокая фигура старца с поднятыми кверху руками, освещаемая блеском молнии, имела фантастический и ужасный вид.

Вдруг из океана возник зеленоватый свет, как ореолом окруживший корабль, освещая его белесоватым светом. В ту же минуту я увидел на гребне большой волны колокол, как бы отлитый из раскаленного металла. Рядом с колоколом стояла черная, неясно очерченная фигура. Ясно вырисовывалось одно только угловатое, землистого цвета лицо этой фигуры с зелеными, полными адской злобы глазами.

Это отвратительное существо держало веревку от колокола и медленно ударяло в него. Эти зловещие, стонавшие, жалобные и в то же время пронзительные звуки, сливаясь с шумом бури, производили такое тягостное впечатление, что и теперь я не могу без дрожи вспоминать о них.

Агасфер тоже был ужасен. Его голова, борода и руки издавали фосфорический свет, а звучный голос его звучал пронзительно и повелительно, когда он произносил слова на каком-то неведомом мне языке.

Вдруг неожиданное и ужасное зрелище представилось моим глазам. Трупы пиратов поднимались один за другим, молча перепрыгивали через борт корабля и группировались вокруг колокола, все продолжавшего свой погребальный звон.

При свете огненной молнии я ясно увидел всю группу, качавшуюся на вершине громадной волны. Зеленоватые лица их со стеклянными глазами были обращены ко мне. Потом все побледнело и, казалось, исчезло в разбушевавшихся волнах океана.

Шатаясь, как пьяный, я хотел спуститься в свою каюту и сделал несколько нетвердых шагов. В ушах у меня звенело, огненные искры носились перед глазами. Мне казалось, что трупы моих спутников пляшут вокруг меня какой-то адский хоровод, и я с глухим стоном упал на палубу.

Глава четвертая

Сколько времени длилось такое бессознательное состояние, я не могу сказать. Это было нечто странное: не обморок и не сон, а какое-то тяжелое оцепенение, без мысли и чувств, но смущаемое по временам отвратительными видениями. Когда наконец я открыл глаза и пришел в полное сознание, был уже день. Солнечные лучи заливали пустую палубу, но все было так чисто прибрано, как будто здесь никогда и не разыгрывалась одна из самых ужасных драм.

Сам я лежал у подошвы мачты, свежий и бодрый телом, но как-то странно утомленный душой и с сердцем, сдавленным грустью. Хотя у руля никого не было, корабль быстро несся по волнам, очевидно, придерживаясь определенного курса.

Прислонясь к снастям, стоял Агасфер, устремив на океан задумчивый и печальный взгляд.

Шум, произведенный мною, когда я вставал, заставил его обернуться.

– Здравствуй, брат мой! – с улыбкой сказал он. – Как видишь, все в порядке. Кроме того, я с удовольствием могу сообщить тебе, что мы находимся на пути к месту собрания всех наших братьев.

Я поблагодарил его и осведомился, скоро ли мы прибудем к месту назначения. Агасфер ответил мне, что мы будем на месте, как только окончится мое предварительное очищение, а также другой особы, находящейся у нас на борту.

Видя мое крайнее удивление, он сказал:

– Да, да, у нас есть здесь третий пассажир. Пойдем! Я сейчас покажу его тебе.

Мы спустились в маленькую каюту, которую раньше занимал мой помощник, – и я очутился лицом к лицу с женщиной, нанесшей мне смертельный удар кинжалом.

Она была в трауре и так страшно бледна, что, казалось, в ее жилах не текло ни одной капли крови. Видимо, смущенная, стояла она предо мной, опустив глаза, и все существо ее дышало мрачной грустью.

Я смотрел на нее с таким спокойствием, которое удивило меня самого. Я не чувствовал к ней ни малейшей злобы или ненависти, а, напротив, отлично сознавал, что вся вина была на моей стороне, и почти невольно сказал:

– Прости меня!

– Простите обоюдно друг друга, – сказал старец. – Вы оба согрешили, оба совершили убийство, и на обоих вас тяготят проклятья, которые дадут горькие плоды, так как закон, раз приведенный в движение, должен неумолимо исполниться. Наконец, одна и та же судьба приковывает вас, страждущих и блуждающих, к этой земле.

С тяжелым сердцем я подошел и повторил свою просьбу о прощении. Она протянула мне руку и подняла на меня свои прекрасные глаза, принявшие то странное выражение, какое имеем все мы – мы, которые не умрем, как другие.

Мир между нами был заключен.

С этого дня мы втроем зажили на корабле, которым я уже больше не управлял, но который, как и в настоящую минуту, направлялся невидимыми руками. Часть дня и ночи мы с Лорой проводили в исполнении предписанного нам Агасфером ритуала, в котором и он сам принимал участие своими заклинаниями и странным пением.

Часы отдыха мы проводили на палубе, в мечтах или в разговорах. Мы с Лорой подружились, но только с каждым днем становились все менее общительными. По мере того как подвигалось мое очищение и развивался мой ум, мною все больше овладевали глубокая печаль и равнодушие к жизни. Бурная жизнь, полная убийств и грабежей, казалась мне страшным сном. Видения, иногда мучившие меня, заставляли меня бояться смерти; но, несмотря на это, я все еще не мог верить в бесконечную жизнь, о которой говорил Агасфер. Так прошло более

двух месяцев. Наконец старец объявил нам, что мы достаточно очистились, чтобы быть допущенными в святилище, и что в эту же ночь мы туда прибудем. Мы находились в открытом море, но где? Я не мог ориентироваться, так как мы ни разу не встретили ни одного корабля, и океан, казалось, превратился в пустыню. Мною овладело сильное любопытство. Наконец-то мы пристанем к берегу, и я увижу, где мы находимся!

Я не покидал палубы. Настала ночь, а желанный берег все еще не показывался. Наконец при бледном свете луны я увидел выходящие из волн высокие черные скалы. Насколько я мог судить, мы приближались к какому-то острову или большому пустынному рифу, так как не заметно было никакой растительности.

Подойдя к громадной остроконечной скале, корабль остановился и мы бортом коснулись серого камня. Старец подошел к борту и трижды громко крикнул:

– Агасфер!

Эхо трижды повторило это имя. Внутри скалы как будто послышался звон колокола. В ту же минуту произошло странное явление: как будто толкаемая невидимыми руками, гранитная масса скользнула в сторону, обнажив углубление. Затем сдвинулась массивная глыба и открыла сводчатую галерею, а в ней двенадцать ступеней, покрытых ковром. На последней ступени стояли два мальчика в белых одеждах, держа в руках лампы, издававшие ослепительный свет.

Вы, знакомые уже с электрическим освещением, конечно, не будете удивлены, когда мы приедем; но я – простой и дикий моряк пятнадцатого столетия – я подумал, что вижу небесный свет.

Агасфер сошел первый, Лора и я последовали за ним. Все мы вошли в галерею, высеченную в скале. Когда я оглянулся, то увидел, что отверстие бесшумно закрылось за нами.

Мы молча шли за Агасфером и очутились наконец в небольшой круглой комнате, откуда в разные стороны расходились такие же галереи, как и та, по которой мы пришли.

В центре этой своего рода прихожей стоял высокий старец в белой одежде, которая так сверкала, как будто была усеяна бриллиантами. К поясу его был пристегнут широкий меч, а на груди, под длинной серебристой бородой, виднелся золотой нагрудник, украшенный драгоценными камнями. Ноги его были обуты в белые башмаки с загнутыми носками.

Старец обнялся с Агасфером, а на нас посмотрел долгим и пытливым взором. Затем, обменявшись с нашим проводником несколькими словами, он поднес к губам небольшой рог из слоновой кости и издал пронзительный звук. На этот призыв явился мальчик, одетый в белое, как и встретившие нас при входе, и повел меня по одной из галерей в роскошно обставленную комнату, где была уже приготовлена постель, а на стол накрыта закуска.

– Подкрепитесь и усните! Когда нужно будет, я приду за вами, – сказал мой проводник и вышел из комнаты.

Я поел с таким аппетитом, какого уже давно не имел. Я чувствовал себя также гораздо лучше. Воздух здесь казался мне легче, чище и был как бы насыщен живительными ароматами. Я чувствовал, как желание жить снова возрождается во мне.

Утолив свой аппетит, я начал осматривать отведенное мне помещение.

Комната, где я находился, очевидно, была гротом, приспособленным к жилью. Обстановка была очень богатая, но форма мебели была такая, какой я еще никогда не видал. Драпировки тоже были сделаны из какой-то неизвестной мне материи, как бы сотканной из металлических нитей.

Предполагая, что одна из портьер скрывает вход в соседнюю комнату, я поднял ее – и с моих губ сорвался крик восхищения.

Я стоял перед пробитым в скале окном. Из этого окна открывался положительно волшебный вид на глубокую внутреннюю долину, окруженную со всех сторон громадными скалами. Над черною массой, подобно темно-синему куполу, выступало усеянное звездами небо. Глубина долины была залита озером, в котором, как в зеркале, отражалась полная луна.

Вокруг озера шли глубокие, причудливой формы и освещенные нежным синеватым светом гроты, глубина которых тонула в таинственном полумраке. В одном гроте виднелись ступеньки узкой лестницы, высеченные в скале и исчезавшие под сводом. Во многих местах стояли на причале лодочки. Два больших белых лебедя плавно скользили по темной и неподвижной воде. Весь этот пейзаж дышал чем-то невыразимо мирным и благотворно действовал на мою страждущую и взволнованную душу.

Только насладившись вполне созерцанием этого волшебного пейзажа, я лег и тотчас же заснул.

Меня разбудил мой маленький проводник и предложил мне одеться. Он отвел меня в соседнюю комнату, где я выкупался в бассейне, сделанном из синего камня и наполненном ароматической водой, а потом одел такую же одежду, какая была на принявшем нас старце. Затем мой маленький паж опоясал меня поясом, только без меча, и надел на шею цепь, украшенную черными бриллиантами, на которой висел красный эмалированный пятиугольник, посередине которого помещался прозрачный камень с заключенным внутри будто огоньком.

Внимательно осмотрев меня, мальчик покачал головой и заметил:

– Сколько на тебе крови, брат мой!

Заметив мое волнение, он тотчас же переменял разговор, показав мне большой чеканный серебряный сундук, отделанный бирюзой, где я должен хранить одежды, надетые на мне. Этими одеждами я мог всегда пользоваться, когда буду являться сюда.

Затем он зажег свечу, и мы вышли. Я молча следовал за ним. Так мы прошли несколько галерей. Наконец в конце одной из них открылась массивная дверь, и я очутился в огромной зале. Из купола залы лились, казалось, каскады золотистого света, отражаясь на мраморных плитах и мозаике пола.

В первую минуту я ничего не мог разглядеть, так как у меня сделалось головокружение; сердце точно перестало биться и дыхание захватило. Я, без сомнения, упал бы, если бы чья-то сильная рука не поддержала меня.

Позже я узнал, что могущественные эманации, наполняющие святилище, всегда так действуют на всякого входящего сюда грешника, покрытого преступлениями.

Когда моя дурнота прошла, я увидел, что меня поддерживает Агасфер, который шептал мне на ухо ободряющие слова. Он был так же одет, как и я, только голова его была украшена тонким золотым обручем со звездой надо лбом, которая испускала яркие лучи. Немного успокоившись, я опустился на колени и оглянулся кругом.

Прежде всего я заметил, что по обеим сторонам залы группировались мужчины в белых одеждах и женщины с лицами, закрытыми покрывалами. Все стояли на коленях и были погружены в молитву. Я заметил также теперь, что купол был открыт, и что каскады света, заливавшие святилище, были не что иное, как лучи солнца.

В глубине залы высился павильон без крыши, сделанный из серебряной материи, которую поддерживали колонны из ляпис-лазури.

Спереди павильон был совершенно открыт. Видны были ступени к большому престолу, на котором горели восковые свечи в золотом подсвечнике с семью рожками. В центре престола возвышался большой крест, над которым реял голубь с распушенными крыльями. У подножия креста видна была громадная чаша, окруженная фосфорически-светлой дымкой.

На покрытых ковром ступенях престола стоял высокий старец с белой бородой, одетый как и мы, с тою только разницей, что его одежда была сделана из иной сверкающей ткани, которая при каждом его движении испускала разноцветные лучи.

На голове этого первосвященника был надет венец с семью зубцами, причем над каждым зубцом пылало небольшое пламя. В руке он держал короткий и широкий меч, которым чертил в воздухе таинственные знаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.